

Гульжан Ергалиева, Петр Своик.
Прошлое не отказывается от нас.

Цикл бесед главного редактора газеты “Свобода Слова”, журналистки Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика об истории движения “Демократический выбор Казахстана”.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прошлое не отказывается от нас.....	3
Часть 1	3
Феномен “Республики”	3
Зачем мы вступили в ДВК.....	5
Кто тогда был прав?	7
Часть 2	9
Главный архитектор оппозиции.....	9
Шантаж, покушение, личная встреча	10
Первые знакомства	12
Народ не был готов.....	14
Часть 3	15
Слияние двух сил.....	15
Выбор Жакиянова на границе	17
Час пик Тасмагамбетова	18
“Круг второй” Аблязова.....	19
Часть 4	21
Все всерьез и надолго.....	21
Неудачное предприятие	23
“Работа” над Мухтаром и Галымжаном.....	25
Часть 5	27
Сплошной “облом” власти и вторая попытка.....	27
Две тюрьмы две судьбы	29
Время шло, неизвестность тянулась	30
Романтичные мысли о власти.....	32
Часть 6	32
Как начиналась “эпоха Кожахметова”	33
Возвращение Мухтара и другие сомнения	33
“Цена” вопроса в руководстве	34
Развал КПК и его герои.....	37
Дистанционный смотритель	38
Часть 7	39
Сакраментальный вопрос о лидерах.....	39
Классический вариант: Моцарт и Сальери	41
История одного заявления	43
Часть 8	45

КНБ и ДВК – одна общая цель.....	45
История несостоявшегося помилования	47
Друг и соратник по общему делу.....	49
Раз попытка, два попытка, три попытка.....	51
Часть 9	52
История о фальшивой газете и известные тайны.....	52
Беседы наедине и шоковая терапия.....	55
Кто платит, тот заказывает музыку	56
Часть 10	59
Альянс Аблязов-Дутбаев	59
“А мое место – где?”	60
Обман низов – фишка ДВК	62
Два варианта: быть или не быть?.....	64
Заключение.....	66
Национальное достояние – оппозиция.....	66
Кто уходит из режима?	68
Как древний царь Мидас.....	69
От покаяния – к культуре	71

Прошлое не отказывается от нас.

Беседа журналистки Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика о судьбе знаменитого сначала движения, а потом партии “Демократический выбор Казахстана” в 2001 – 2003 годах – это попытка рассказать о причинах гибели столь перспективного политического объединения. Эти воспоминания, сугубо субъективные и не претендующие на полноту всей картины, попытка проанализировать суть причины, по которой ДВК было, наконец, закрыто и забыто.

Эти события - малоизвестный факт политической истории Республики Казахстан, свидетелями которых были непосредственно участники этой беседы.

Часть 1

До решения правительства, принятого на днях, об отстранении М. Аблязова от должности председателя совета директоров БТА Банка наша газета объявила в прошлом номере анонс цикла бесед Петра Своика и Гульжан Ергалиевой. Это беседы, в том числе и о персоне главы банка, которому предназначался самый большой транш от государства, что связывалось, на наш взгляд, с разными событиями, уходящими корнями в одно знаменательное прошлое. Но ситуация с БТА резко изменилась, однако заявленная тема остается по-прежнему важной, которую мы сопроводили мнением: иногда мы отказываемся от своего прошлого, но прошлое не отказывается от нас. Поэтому сегодня мы публикуем первую беседу журналиста и политика о малоизвестных фактах истории, сыгравшей важную роль в формировании политической ситуации в Казахстане. Страницы истории движения “Демократический выбор Казахстана” в рассказе очевидцев.

Феномен “Республики”

СВОИК: Все это подтверждает, что большой бизнес неотделим от политики, а настоящее – от прошлого. Вот, Гульжан, вам, как главному редактору “Свободы Слова”, встречный вопрос, казалось бы, из другой оперы: с чего это другая оппозиционная газета недавно соврала, что Гульжан Ергалиева встречалась с руководителем администрации президента и получила от него “заказ на Тасмагамбетова”? Почему там постоянна “аналитика”, в которой оппозиция не только представляется очень не дружной, но и что вся она – управляемая. Эта “проницательная” газета прямо всех таки расшифровывает: Абилов – человек Утемуратова, Туякбай – КНБ и т.д. Кого ни возьми, все “завербованы”.

ЕРГАЛИЕВА: Если отвечать на ваш вопрос, почему в этой газете недавно появилась явная ложь, что Гульжан Ергалиева встречалась с главой администрации президента Мусиным с подтекстом – взяла “заказ на Тасмагамбетова”, то скажу, что это – звено одной цепи, концы которой уходят в давний проект (они думают, что это заговорный проект), как и с ДВК, может быть, и с БТА. Но лично я это вычислила еще давно, когда появился так

называемый фальшивый номер “Ассанди Таймс” (была такая газета той же медиа-группы под руководством И. Петрушовой). “Республика” – это часть проекта по интригам в оппозиции, по уничтожению ее лидеров, которые действительно опасны для властей (вчера это был Жакиянов, сегодня – Абилов). Например, это безобразно проявилось, когда вышло интервью с неким Кенжегалиевым, одним из активистов “Алги” (ДВК) под руководством Асылбека Кожахметова, Владимира Козлова и Бахтылы Туменовой, буквально через неделю после выхода на свободу Галымжана Жакиянова в конце 2005 года. Это было гнусное и подлое выступление, суть которого сводилась к тому, что в ДВК вожди не нужны, что Жакиянов всего лишь рядовой член организации, мол, пусть умрет после тюрьмы и встанет в конец шеренги. Личность Кенжегалиева нам с вами хорошо известна, под его неадекватный характер и был кем-то написан этот бред и опубликован “Республикой” на всю полосу. Устроили демонстративное отречение от Жакиянова на всю страну от имени тысяч членов бывшей партии. Я сразу же позвонила Галине Дырдиной, и.о. главного редактора, искренне недоумеваю, как “своя” газета могла допустить такую подлость? А в ответ Дырдина хладнокровно заявила: у нас, мол, свобода слова для всех одинакова. А в следующем номере проехала по моему приватному звонку, что “Свобода Слова”, дескать, против гласа народа и демократического плюрализма. Хотя чему тут удивляться – мы с вами долго противоборствовали в составе политсовета ДВК отступничеству от Жакиянова вышеназванных функционеров и подконтрольного политсовета, в состав которого, кстати, входили и соратники Галымжана по Семейю и Павлодару, когда он был акимом этих областей. Почему от него отреклась, например, его бывший заместитель Б. Туменова, которую он привел в ДВК, хотя те же заместители акима Горбенко и Лукин остались порядочными людьми и не стали сотрудничать с органами против бывшего шефа, но потом вынуждены были покинуть страну, так как до сих пор преследуются казахстанскими властями. То интервью в “Республике”, а до этого долгие годы, пока Галымжан сидел в тюрьме, показали, как верхушка в ДВК занималась уничтожением Жакиянова как политика, как лидера большой партии. Кто в этом был больше всего заинтересован? Конечно, власть, знающая прекрасные перспективы Жакиянова как лидера оппозиции в будущем.

А “Республика” вела и ведет “секретную” миссию (под ликом оппозиционной газеты). Главная “фишка” газеты – оппозиция в Казахстане слабая, это повторяется из номера в номер как “домашнее задание”. Разные мухамеджанадиловы внушают публике примитивное видение политического процесса, в котором оппозиция, как и власть, одинаково глупая, продажная, завистливая, двуличная и т.д. (за исключением, разумеется, самозваного ДВК – еще одного звена общего проекта). Зато, заметьте, ничего такого в “Республике” не писалось про Рахата Алиева – и когда страна шумела о похищении банкиров, и когда шел судебный процесс над членами его ОПГ. В такой ситуации молчание означало либо солидарность с Рахатом Алиевым как с врагом президента, либо вынужденную позицию поддержки зятя. А до этого – когда убили Алтынбека Сарсенбаева, газета напала и на Абилова, и на Жандосова, переступая последнюю черту – совесть. Уже договорились до того, что, оказывается, Булат Абилов человек Булата Утемуратова, что “Свобода Слова” – газета Мусина. Клиника, понимаете? Возможно, министр информации Ертусбаев в свою бытность на этом посту сказал правду, что Рахату Алиеву принадлежит 10% акции “Республики”. Поэтому, когда эта газета пытается выглядеть независимым изданием, могу констатировать: не верьте!

Дальше, думаю, будет понятна роль этой газеты в большом проекте, к которому мы еще подойдем.

СВОИК: У меня в связи с этим возникает другая история, раз уж зашел разговор о газетах.

Речь идет о публикации в предыдущем номере “Свободы Слова” строго конфиденциального письма, подписанного как раз незадолго до возникновения ДВК тогдашним председателем Нацбанка Г.Марченко и адресованного премьер-министру К.Токаеву. Речь в нем, как теперь знают все читатели, шла о том, что тогдашний руководитель Народного банка (ныне, как известно, премьер) Карим Масимов проявил, мягко говоря, некомпетентность и ввел вверенный ему банк (тогда еще не частный) в большие убытки.

Так вот, когда Жакиянов уже сидел в Кушмуруне, по нему главными силами КНБ разрабатывалось сразу несколько новых уголовных дел. И вы знаете, много чего действительно нашли, где-то в архивах Комитета эти дела, наверное, до сих пор хранятся. Но я тогда и сам удивлялся: все мимо павлодарского акима, зато – не в бровь, а в глаз другим высокопоставленным персонажам. Включая тот же самый Народный банк в те же описанные Г.Марченко времена.

Тогда павлодарский акимат должен был возвращать Народному банку кредит, пять миллионов долларов. А самому акимату знаменитый “Аксесс индастрис” должен был, по налогу, примерно такую же сумму.

И вот Народный банк предложил такой зачет: банк сам назвал некую «фирмочку», которой выдал доверенность на получение всей кредитной суммы, а она предложила схему расчета, по которой компания-должник отгружает ей на сумму налога уголь, деньги от реализации идут банку, и никто никому не должен! Акимат (кто-то из замов акима) с удовольствием подписался. Уголь действительно был отгружен на всю сумму и кому-то там продан. Единственная “неувязочка” – уполномоченное банком ТОО деньги доверителю вернуть... забыло. И только по прошествии пары лет Народный банк вдруг вспомнил и обратился в суд на предмет взыскания “забытых” миллионов. На что суд выдал соответствующую бумагу: мы бы взыскали, да не с кого – ТОО больше не существует. Вот так деньги ушли, зато у инициаторов комбинации появилась “оправдательная” бумага, что на нет и суда нет! Это дело не смогли приклеить к Жакиянову.

Зачем мы вступили в ДВК

ЕРГАЛИЕВА: Вернемся к тем драматическим событиям, с которых мы с вами влились в историю под названием “Демократический выбор Казахстана”. Это было связано с угрозой ареста Мухтара Аблязова и Галымжана Жакиянова в начале 2002 года. Мы вступили в это движение, когда прошла сначала первая волна в ДВК, от которого после окрика президента Назарбаева откололись такие, как Кайрат Келимбетов, потом прошла вторая волна, когда от ДВК отошли Булат Абилов, Ораз Жандосов, Алтынбек Сарсенбаев, Алихан Байменов и появилась партия “Ак жол”. Они выбрали иной путь – не такой радикальный, считая, что лобовая атака на власть была бесперспективной. Лидерами же ДВК оставались Галымжан Жакиянов и Мухтар Аблязов, Толен Тохтасынов и Зауреш Батталова, последних власть не смогла лишить депутатского мандата, как лишила должности акима Жакиянова. По их приглашению в руководящий состав обновленного ДВК вошли представители так называемой старой оппозиции – Петр Своик, Асылбек Кожаметов, Гульжан Ергалиева, Нурбулат Масанов, Розлана Таукина, Ирина Савостина, Маржан Аспандиярова... Моральную поддержку оказывал лидер КПК Серикболсын Абдильдин. И сразу политика движения и ее цели резко радикализировались, не оставалось другого выбора – на давление надо было отвечать консолидацией. Это был ответ Жакиянова и Аблязова на гонения властей. Поэтому

репрессии на них адекватно усилились.

Наконец, обоих арестовали, и начались длинные месяцы следствия и суда. Мы тогда с головой уходили в эти события – проводили акции, выпускали газету, выступали защитниками на судах, поднимали народ, ездили по миру за поддержкой... Большая роль как парламентариев за рубежом в защиту политических заключенных принадлежала Нурбулату Масанову, Акежану Кажегельдину, Евгению Жовтису. И все же Мухтару дали 6 лет тюрьмы, а Галымжана осудили на 7 лет. Власть своего добилась – обезглавила по существу уже открытое оппозиционное движение, без всякого конструктива. Но все мы тогда не растерялись и не разбежались кто куда. Однако вместо того чтобы дальше расти и укрепляться, тем более имея уже такую громкую историю, внутри движения начался раскол. Постепенно из движения “ушли” Нурбулата Масанова, Ирину Савостину, Розлану Таукину. Хотели убрать и меня, как шумную, но я не уходила всеми силами, потому что проводилась очевидная работа против Галымжана Жакиянова. Тогда отчаянную борьбу за Галымжана вела Карлыгаш Жакиянова, на этой почве мы с ней близко сошлись, как и вы, Маржан Аспандиярова и, конечно же, Зауреш Батталова. Но потом придет время, когда “правая рука” Мухтара Аблязова в ДВК Владимир Козлов на весь съезд заявит: “В партии нет такой должности, как жена лидера”. В такой форме была объявлена уже открытая война за влияние в ДВК. Вначале управление ДВК, до перехода в Компартию, передали Толену Тохтасынову, однако и его нейтрализовали, отправив на подмогу Абдильдину.

Постепенно в политсовете образовались две группы, которые со временем превратились в антагонистов. Нас называли жакияновскими, а других – аблязовскими. И дело было не в том, кто кого главнее, а в глубоких разногласиях взглядов на политику движения и попытку диктовать волю одного человека. Сначала таким человеком казался Асылбек Кожахметов, который пытался даже в уставе записать на себя абсолютные полномочия. Это потом мы поняли, что Кожахметов – всего лишь небескорыстный исполнитель чужой воли. А вот зачем и кому нужна была единоличная власть в самом крупном на тот момент оппозиционном движении – мы поняли позже.

Старт ДВК в 2001 году был мощнейшим, такого явления в Казахстане еще не было никогда. Когда меня принимали в политсовет на конференции, я сказала, что ДВК надо сравнивать с таким важным моментом в истории России, как восстание декабристов в 1825 году. Еще во времена Пушкина плеяда русских аристократов вышла против царя, чтобы Россию сделать Республикой. Создать парламентскую страну, начать рыночную экономику, то есть пойти по пути Европы. Они были повешены, потому что были злейшими врагами самодержавия.

То же самое произошло в Казахстане в 2001 году с возникновением ДВК. Вот почему народ так повалил в это движение, в перспективе это была бы самая многочисленная, самая мощная и самая результативная политическая организация в стране. Люди шли буквально толпой в ДВК. Судьба лидеров в тюрьме, особенно Галымжана Жакиянова, который прошел весь этот ад до конца, только подогревала интерес и сочувствие в обществе, и ДВК становилось еще популярнее. А кончилось все элементарным развалом. Почему произошел такой скорый и нелогичный спад ДВК – этот вопрос в нашем обществе еще не обсуждался. И как такая мощная, уникальная и перспективная политическая организация могла бы изменить историю страны, если бы не погибла от рук ... не властей, а самих рулевых ДВК? ДВК убивали изнутри – методично и хладнокровно, перешагивая через принципы, обманывая народ, бесконечно предавая людей, имитируя борьбу, а когда была хоть малейшая угроза разоблачения этого замысла, начиналась кампания по дискредитации или плелись интриги.

Зачем и кому это было нужно? Вопрос, на который читатели сами найдут ответ в процессе дальнейшей истории, которую мы с вами рассказываем.

Кто тогда был прав?

СВОИК: Этап ДВК был очень важным, прежде всего потому, что тогда власть исторгла из себя не одиночек-оппозиционеров, как это было в наши времена, и даже не целый свой кусок во главе со ставшим демократом, бывшим премьером Кажегельдиным, а была буквально расколота пополам.

Да, чуть позже ДВК тоже расслоилось. Разумеется, нашлись такие, кто, увидев, как круто все заворачивается, вовремя, что называется, опомнились и отыграли назад во власть. Тот же Келимбетов. Они за это получили то, что сейчас имеют, и это – их выбор.

Большая же часть не отрекалась, назад не попросилась, но и на полную конфронтацию с режимом, на смычку со “старой” оппозицией не пошла. Эта “золотая середина” создала собственную партию “Ак жол”, и это тоже был выбор, имеющий свою логику, заслуживающую и понимания, и уважения.

Вопрос, кто тогда был прав более – акжоловцы или радикалы Жакиянов с Аблязовым, это вопрос сослагательный. Сейчас мы можем лишь перечислить последствия тех событий.

Первое: именно Галымжан с Мухтаром до предела обострили проблему выбора перед самим президентом, не оставив ему иного выхода, как отправить их в тюрьму. По-человечески, это была тяжелейшая драма, в политическом же смысле осуждение Аблязова и Жакиянова режим, конечно, не усилило, но сильно его ужесточило. И консолидировало оставшихся во власти в этой своей ожесточенности. В результате резко возросшая тогда конфронтация власти и оппозиции “заморозила” политический процесс на годы вперед, да и сейчас еще “морозит”.

Могло ли быть иначе – не знаю, но что случилось, то случилось.

Второе: та степень ожесточенной решимости, которую тогда выказал режим, оказалась неожиданной и для самих Мухтара с Галымжаном. Да, под арест и в тюрьму они пошли осознанно, но что все будет так жестко и долго – не ожидали, этому я сам был свидетелем.

Третье: в заключение они пошли одинаково и одновременно, а вот вышли в разное время и очень по-разному. И вот эта разница не только развела их лично, но и самым непосредственным образом повлияла на очень многое в оппозиции во все последующие годы, и сейчас влияет.

Возвращаясь же к тому времени, отметим, что “развод” внутри ДВК состоялся не сразу. Скажем, на собрании демократической общественности в здании казахского цирка 19 января, куда собралась почти тысяча человек со всего Казахстана, представлявших всю без исключения оппозицию и актив гражданского общества, собственно от ДВК участвовал, сидел в президиуме, открывал это собрание только Галымжан Жакиянов.

Мухтар Аблязов тоже играл важную роль на этом собрании: пару раз именно он (в не чужой ему алматинской гостинице “Астана”) проводил заседания оргкомитета. Именно его цирк

был подготовлен к собранию как запасной вариант на случай, если какие-нибудь пожарные или электрики отключат заранее оплаченный театр Ауэзова (что и случилось), наконец, именно аблязовский телеканал “Тан” вел прямую трансляцию с этого знаменитого собрания, многократно усилив его эффект. Но открыто Аблязов перед собравшейся общественностью не появился, хотя и тайны из своего участия не делал.

А на следующий день, 20 января, на митинге ДВК, собравшем до 8 тысяч человек, оппозицию представляли исключительно отцы-основатели Демократического выбора Казахстана, и все они, включая Галымжана и Мухтара, стояли тогда вместе плечом к плечу.

Короче, факт, что Галымжан и Мухтар выделялись своей напористостью и претензиями на лидерство, был нам со стороны достаточно очевиден с самого начала. То, что Жакиянов и Аблязов – тандем, причем остро атакующий, и что будущие акжоловцы это не слишком одобряют – было видно сразу.

Кстати, небольшая вставка о том, как мне пришлось заранее узнать о создании “Ак жола”. Вскоре после потрясших всю Алматы (и не только) 19 и 20 января, но, кажется, еще до того, как президент срочно собрал в Астане свой “партхозактив”, где потребовал “прекратить этот балаган”, в Астане прошел заключительный “круглый стол” ОБСЕ по закону о выборах (вот уж, действительно, бесконечная история с этим избирательным законодательством!). Вы, Гульжан, как единственно тогда оставшаяся из руководства Народного конгресса, кто не давал этой партии окончательно сдаться, тоже там были.

Так вот, где-то в обед мне позвонили на мобильный, сказали, что это из приемной КНБ и со мной хочет поговорить председатель. Дутбаев поздоровался и сказал, что хотел бы встретиться. Я ответил, что сейчас как раз в Астане, но вечером уже уезжаю. На что он (довольно хохотнув) сказал, что они в курсе, и что шесть вечера и его, и меня устроят.

Разговор начался с тезиса, что оппозиция и власть при любых обстоятельствах все равно должны находить общий язык, намечать пути сотрудничества. С чем я полностью согласился и сказал, что и в “Азамате”, и после, мы этого всегда добивались. Давайте вместе двигаться к местному самоуправлению, к честным выборам, к настоящему парламенту, пусть постепенно, но – всерьез, и мы будем настоящими партнерами.

После чего мой собеседник стал убеждать меня не возлагать слишком большие надежды на ДВК. Дескать, сами они не дружны, уже поняли, что поступили опрометчиво, и перспектив у движения нет. Тут же было добавлено что-то в том роде, что органам известно, что все деньги идут через Туменову, и что с перекрытием этого источника все и закончится. Фамилия Туменовой мне тогда ничего не говорила, но для поддержания репутации я лихо возразил, что образование ДВК – это слишком серьезно, чтобы так “сдуться”, а потенциал движения таков, что источник, конечно, не один, и всего не перекрыть.

Вообще, наш спор, имеет ли ДВК будущее или нет, даже как-то подзатынулся, и вот тут-то мой оппонент и сказал, а знает ли так уверенный в ДВК Петр Владимирович, что как раз в этот момент проходит пресс-конференция, на которой ряд учредителей ДВК объявляет о создании партии “Ак жол”.

Нет, я этого не знал, и ответил на вопрос вопросом: “Ну и что?”.

А то, услышал я в ответ, что хорошо бы и мне войти в эту партию, там и мне будет лучше, и

от меня пользы будет больше.

Ни секунды не задумавшись, я сказал, что это – второй “Отан” и что там мне делать нечего. После чего разговор быстро завершился уверениями, что встреча была полезной и что обмениваться мнениями все равно стоит. Кто бы возражал!

Сейчас же, оглядываясь назад, зная уже более позднюю историю разделения “Ак жола” на байменовский и настоящий, должен сказать, что тот, первый, был, конечно, не проектом Администрации. И уж, конечно, не Комитета. Но и без “засланцев”, разумеется, не обошлось. Знаю, что покойный Алтынбек, Булат, Ораз и Тулеген далеко не сразу пришли к необходимости публично сказать, кто есть кто. Но они это сделали, и это тоже – часть истории демократической оппозиции.

Часть 2

Диалог журналиста Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика о знаменательной истории движения “Демократический выбор Казахстана” продолжается в режиме живого разговора. И передается так, как он сложился в контексте личных воспоминаний собеседников. В этой части вы узнаете о встречах с главными действующими лицами будущей драмы с ДВК.

Главный архитектор оппозиции

ЕРГАЛИЕВА: Петр Владимирович, в прошлый раз у нас как бы получилась вводная часть заявленной темы. Мы с самого начала договаривались, что наш разговор не будет заранее планироваться – что, где сказать, только хронологическая последовательность. Но вначале вышло то, что долго копилось – чувства. Мы думали, что эпизод за эпизодом представим ту историю, свидетелями и участниками которой мы с вами были лично. Что говорить будем только то, что знаем сами, что пережили и что считаем важным. Но первая часть нашего разговора показала, что необходимо, прежде чем приступить собственно к событиям, связанным с ДВК, вспомнить свои личные знакомства с основными действующими лицами этой не короткой драмы.

СВОИК: Согласен, Гульжан. Иначе мы имеем две проблемы. Во-первых, в движение ДВК мы вошли не с самого начала, а потому наш рассказ объективно не полон, и мы должны предупредить об этом читателя. Наша задача – вслух сказать то, что пока является ограниченным знанием пары десятков человек. Во-вторых, и до ДВК у нас была собственная история и во власти, и в оппозиции, которая во многом переплетается с теми же сюжетами и персонажами, и без упоминания об этом неполным получится и наш рассказ о последующем.

Взять того же Рахата Алиева: напрямую действующим лицом в рассказе о ДВК он не является, но ведь без него все было бы не так! Вообще, этот персонаж буквально пронизывает едва ли не всю историю казахстанской оппозиции. Он, конечно, сила не созидательная, но его вклад в укрепление оппозиции и в разложение режима – поистине неоценим! У Лермонтова, кажется, демон говорит о себе: я тот, кто, желая зла, вечно творит добро. Такая вот дьявольщина...

ЕРГАЛИЕВА: Как известно, и мы об этом еще скажем подробнее, Рахат Алиев был тем самым детонатором, который взорвал ситуацию в 2001 году на верхах, и как ответ – создалось движение ДВК. Рахат – он, можно сказать, главный архитектор казахстанской оппозиции. Как рассказывал Кажегельдин, это Рахат с Даригой наговорили папе-президенту об опасном премьере Акежане и фактически натравили первого на второго. Кажегельдин попал под репрессии и в результате создал оппозиционную партию РНПК.

Что касается лично меня, то именно Рахат Алиев в 1997 году, когда возглавлял алматинскую налоговую полицию, устроил нам расправу – арестовал счета нашей телекомпании (филиала МТРК “МИР”), остановил все торговые операции, выкатил нам непомерный штраф. Хотя мы работали исключительно по международным договорам СНГ, так как были компанией этой структуры. И ни генпрокурор (тогда был Шуткин), ни банкир Масимов (Народный банк, где мы обслуживались) – никто не мог ослушаться Рахата. Он им говорил: законы не позволяют – поменяем законы, прокуроры не согласны – поменяем прокуроров, но Ергалиева в “Мире” работать не будет. Теперь я знаю, кто меня “заказал” Рахату. Дочь председателя телекомпании МТРК “Мир” Салтанат Шалахметова, мужа которой (Е. Казыханова) мне навязали в коммерческий отдел, они хотели сами рулить финансами (тоже семейный план!). Сегодня она – жена “правой (или левой) руки” Рахата А. Шухова, мать его детей. И хотя президент долго не подписывал прошение председателя Шалахметова о моем увольнении, их было слишком много против меня и моего замечательного коллектива, который искренне страдал от этого вопиющего бандитства. Была долгая надежда на президента, что он обязательно разберется, я даже публично на пресс-конференции пожаловалась ему на Рахата, но ни одного ответа на свои письма не получила. Тогда и мой отец рвался на прием к Назарбаеву за справедливостью, но помощник Тасмагамбетов его технично отшивал. Я, помню, тогда была так подавлена, что даже пошла к Дариге Назарбаевой, как к коллеге. Но ничего попросить у нее не смогла, что-то меня держало. Я оставила ей цветы и ушла. И слава богу!

Я проиграла, мой отец не выдержал стресса и умер, дочь Шалахметова торжествовала: Гульжанка больше никогда не поднимется, а я сказала себе – мы это еще посмотрим. И вот такая “заточенная”, испытавшая на себе рахатовский прессинг, я в 1999 году оказалась в оппозиции. Таких, как Кажегельдин и я, думаю, в стране немало, кого против президента поставил Рахат Алиев (может, это тоже часть его плана по будущему государственному перевороту?). Помнится, когда случилось публичное противостояние Рахата и двковцев, депутат от коммунистов - Землянов сказал в прессе: Рахат Алиев создал президенту больше врагов, чем друзей. Или что-то в этом роде. Но считаю, что это “заслуга” не Рахата, а самого президента.

Шантаж, покушение, личная встреча

СВОИК: С Рахатом я встречался всего два раза. Году, кажется, в 1997 был звонок, он представился (до этого я его не знал вообще), пригласил приехать к нему в алматинский КНБ, беседовали прямо в кабинете. После небольшого предисловия перешел сразу к делу: сказал, что хочет создать медиахолдинг, начиная с аналитического центра, газеты, потом телеканал, предложил это мне. Условия – свобода мысли не ограничивается, а смета – вот она. И дал уже готовый листок с расходами на офис, технику, тысяч на 35, помнится. Я ответил, что на условиях свободы – попробовать можно, но для серьезного центра смета маловата. Потом

пару раз встречался с Шуховыми – обсуждали проект, и все шло вроде бы нормально. Но Рахат больше не объявился, видимо, братья убедились, что обещание свободы творчества я понял слишком уж буквально.

Второй звонок, и опять беседа у него в кабинете уже после нападения на Платона Пака, председателя исполкома “Азамата”. Мы снимали квартиру под офис, дверь вообще не запиралась, вошли двое, один сказал: “Передай Петру Владимировичу, чтобы он прекращал”, а второй, зайдя сзади, ударил его стулом по голове, добавив: “А это тебе, чтобы запомнил”. Стул разлетелся, Платон стал метаться и получил еще два удара ножом – в живот и шею. Он позвонил мне, я на ходу вызвал “скорую” и полицию, приехал даже раньше их. Платон бегал туда-сюда в одних шортах, у меня сразу отлегло – живой! но в животе у него была большая дыра, и из нее даже не бежала, а прямо так выливалась кровь через край. Он сразу ко мне: “Петя, они показывали фотографии!”. Я ответил: “Ерунда, рассказывай полиции все, и это тоже”, и он тут же сомлел. Его оперировали, все обошлось, но шрам у него сейчас через весь живот.

Полиция, конечно, никого не нашла, а через неделю позвонил Рахат, предложил приехать и сразу спросил, не стоит ли КНБ забрать это дело у полиции. Я ответил, что стоит, нападение не уголовное, а политическое. А на вопрос о моем мнении, кто бы это мог быть, ответил: в любом случае, поиск надо начинать с вашего архива, с видеокассеты, распечатками с которой Платона и “впечатляли”, прежде чем напасть.

Тем более что эти же двое за два часа до Платона приходили ко мне домой, представились “из службы спасения”, но Наталья им не открыла. Думаю, они не убивать шли, а шантажировать меня через жену – теми же фотографиями.

Сказал Рахату и про видео – мне эту кассету передали года за полтора до этого с требованием, чтобы я уехал из Казахстана. Ознакомившись, я передал посыльному, что если кого-то это так волнует – может показывать хоть по “Хабару”. На том тогда все и кончилось, а здесь вот всплыло, Платону наверняка показывали те самые распечатки.

Рахат все это внимательно выслушал, дело забрал себе, ко мне его следователи месяца три ездили, типа кого-то искали, потом перестали.

Но еще до этого, через несколько недель после покушения на Платона, был этот ужасный случай с вашей семьей, Гульжан, вроде – бандиты, вроде – ограбление, но плохо верилось, что только это. Тем более что оба нападения случились вскоре после того, как мы с вами были в Астане на “круглом столе” ОБСЕ и изрядно там повыступали.

Ну вот, спустя какое-то время, я, ведя еженедельную колонку в “Мегаполисе”, пару-тройку материалов посвятил всем “нераскрытым” нападениям на оппозицию, отмечая в частности, что они удивительно совпадают с присутствием-отсутствием г-на Алиева в стране. А в последнем материале практически назвал его через вопрос: если не он, то – кто?

Ответ, кстати, получил скорый и убедительный: ко мне домой, моим друзьям-соратникам и в редакции нескольких газет и телеканалов пришли бандероли с той самой растиражированной кассетой.

Хоть так, но – отомстил! Что, кстати, завершило мое личное представление об этом человеке.

И еще: много позже от одного человека (которому по должности полагалось это знать) я услышал, что пресловутую видеосъемку организовал тот самый Альнур Мусаев, Рахат с этой кассетой ходил “наверх”, дескать теперь Своик у нас в кармане, но ему якобы было сказано, чтобы перестали заниматься... ерундой. Не знаю, так ли было, но – очень похоже (не со мной одним так было, видимо, западали эти два руководителя нацбезопасности именно на такие сюжеты).

Вот, собственно, весь мой опыт общения со старшим зятем, но и его достаточно, чтобы не удивляться и “Азиопе”, и тому, как именно Рахат “помог” возникновению и становлению движения ДВК, и более свежей истории с похищением банкиров, прослушками и всему прочему.

ЕРГАЛИЕВА: Что касается извращенной психологии таких “гитлеров”, могу только добавить. Когда 28 февраля 2001 года шестеро в масках напали и избili мою семью железными обрезам, а потом хотели сжечь нас связанных в доме, но помешал рассвет (они не уложились в график), у меня и в мыслях не было, что это политика. Хотя тогда я выходила с еженедельной программой “Общественный договор” на “31 канале”, и у нас выступали многие лидеры оппозиции, общественные деятели, которых вообще не пускали в эфир на других каналах. И только вы, Петр Владимирович, в ближайшем номере “Мегаполиса” убедительно все объяснили, почему покушались на семью Гульжан Ергалиевой. А через несколько дней, когда мой муж лежал в коме в реанимации, сын в нейрохирургии с проломленной головой, а я сама находилась в какой-то прострации и ничего еще толком не соображала, ко мне домой пришел посыльный от Рахата Алиева из алматинского КНБ. С букетом красных роз и открыткой с поздравлением по поводу 8-го Марта и пожеланиями скорейшего выздоровления моих родных. Мне тогда стало как-то жутковато – я подумала, с чего бы это Рахат Алиев, который три года назад меня буквально выкинул из “Мира” так безжалостно и с таким удовольствием, вдруг стал проявлять такое сочувствие? И только позже я осознала, что это было проявлением психической патологии – наслаждаться страданиями своих жертв. Я вспомнила, как один бывший офицер Комитета, которого посадили за “сотрудничество” с Кажегельдиным (он обеспечивал охрану премьера), потом рассказывал, что Рахат лично спускался в подвал и со вкусом его допрашивал, изощренно и жестоко пытая кулаками и ногами. Что, наверняка, он проделывал с Жолдасом Тимралиевым и Айбаром Хасеновым в своем тренажерном зале. А до этого, возможно, то же было с Алтынбеком и его охранником и водителем.

Первые знакомства

СВОИК: Еще пара предысторий, касающихся действующих лиц ДВК.

На другой день после увольнения меня из правительства за “Азамат” я позвонил двум видным бизнесменам (уже тогда выказывавшим политический потенциал), предложил встретиться. Один не смог, а Мухтар Аблязов сам приехал ко мне домой и сказал, что он хорошо понимает, что закрыть его могут в два дня, а потому он пока “Азамату” помогать не может, когда-нибудь потом.

Пару лет спустя, будучи министром, он сам позвонил и приехал с толстой пачкой бумаг – проектом “Программы новой промышленной политики”, попросил сделать по ней заключение, публичное. Я с интересом ознакомился, документ оказался достаточно лоббистским, но и вполне толковым – при реализации польза была бы. О чем я и написал.

Встречно сказал Мухтару, что по мне активизировались уголовные дела, чувствую – могут и посадить, я готов и на это, только надо ли загонять отношения с оппозицией в такой тупик? Он сказал, что сможет – сделает. Дело, кстати, вскоре само рассыпалось, хотя, может быть, и тот разговор тоже помог.

Идем дальше – 1998 год, в воздухе начинает “пахнуть” досрочными выборами, у меня случается контакт с Маратом Тажиным, заместителем главы Администрации президента. Он прилетает в Алматы, мы с ним садимся в швабской пивной, и очень быстро (двух кружек не прошло) достигаем понимания, что оппозиция нужна – вменяемая, но и не игрушечная. И так мы хорошо поладили, что он попросил тут же найти Галыма Абильсиитова и Мурата Ауэзова, мы уже вчетвером хорошо посидели, а в заключение Тажин спрашивает, не хотим ли мы встретиться и с президентом? Почему нет, и мы с Галымом полетели в Астану, встретились (четвертым в разговоре был Марат Тажин, а заводил нас к Назарбаеву руководитель АП Алихан Байменов). Тоже договорились, что неручная оппозиция и самой власти необходима, и что “Азамату” регистрироваться в партию мешать не будут. А на мысль Галыма, что партию без ресурсов не создашь, президент сказал Тажину, дескать, подбери кого подключить. И подключили... как раз Мухтара.

С ним контактировал Абильсиитов и, по его словам, Аблязов поначалу живо интересовался нашим партстроительством – вложил где-то 100 тысяч долларов на офис, подготовку к выборам. Но очень быстро остыл, как и сама АП. Впрочем, тогда срочно были созданы Гражданская и Аграрная партии, и мы поняли, что нас кинули. Видимо, насчет нашей “вменяемости” были большие сомнения.

ЕРГАЛИЕВА: Да, близилась выборы 1999 года. Я после “Мира” оказалась не у дел, да еще с ярлыком, который мне тщательно клеил “Караван”, точно не помню, чья тогда была эта газета – уже Рахата с Даригой или еще Гиллера. Но без разницы – заказ на “ножки Буша” выполнялся талантливыми журналистами, как Бендицкий и Нуршин. Поездка в Астану к Тасмагамбетову в марте 1998 года, который меня вызвал в Администрацию президента, была совершенно мне непонятна. Тасмагамбетов тогда, кажется, ведал кадрами в АП, несколько часов продержал за дверью, наконец, принял на 15 минут, задал пару вопросов по “Миру”, а на мой вопрос, останется ли все так несправедливо – ответил в свою очередь вопросом: а что я могу сделать? Я так и не поняла, зачем я «телепалась» в Астану. Может, Тасмагамбетов тогда собирал информацию на Рахата, но ничего интересного для себя не нашел: ну и что, что незаконно меня уволили? Это г-на Тасмагамбетова не интересовало, но другой информации я ему не могла предоставить: работали мы в рамках указа президента и постановления правительства, все средства уходили под отчет в Москву, в головную компанию. В общем, я стала ненужной.

Дальше – оказалась в списке партии Олжаса Сулейменова НКК и возглавила выборную кампанию. Благодаря авторитету лидера партии, мы получили неплохие результаты, занимали среднюю позицию среди десяти баллотировавшихся партий. А затратили на всю кампанию всего 32 тысячи долларов. Но меня тоже возмутили итоги выборов, как и всех – оппозиционные партии и многих кандидатов в депутаты. Я влилась, таким образом, в протестный поток.

Народ не был готов

СВОИК: Что же касается Жакиянова, то мы с ним до ДВК были почти не знакомы, так, пересекались на заседаниях правительства. Однажды, когда он как раз “сцепился” с Кажегельдиным, я ехал в лифте, а он стоял на этаже, ждал в другую сторону, и пока двери открывались-закрывались я успел сказать: “Молодец!” – вот и все контакты.

Первый раз поговорили, когда Гульжан пригласила на свой “Общественный договор” уже уволенного акима Жакиянова. Мы выступили вполне слаженно, но вот после разговор не заладился, Галымжан держался подчеркнуто сухо. И вдруг говорит: “Погодите, Петр Владимирович, сначала объясните, почему вы сочли меня ниже Кажегельдина?”. Я даже не сразу сообразил, что речь идет о моей публикации в “Мегаполисе”, где создание ДВК я расценивал просто как недолговременную вспышку, и была такая фраза, что при явной разнице в росте политически Кажегельдин выше Жакиянова.

Для меня просто хлесткий оборотец, а для Галымжана, оказывается, это было очень важно. Я ответил, что все прошедшее за эти дни доказало, что я был не прав, беру те мои слова назад и прошу, Галымжан, у тебя прощения. И хотя извинение не было публичным, разговор был с глазу на глаз, всю напряженность как рукой сняло, и – навсегда. Тот эпизод мне запомнился, как очень много сказавший о Галымжане...

ЕРГАЛИЕВА: Сразу после записи той программы Галымжан пригласил меня в бар гостиницы “Достык” поговорить. Я приехала в гриме, так как не было времени умыться. Галымжан мне сразу понравился своей искренностью, врожденным тактом, очень грамотной и емкой речью. Таких чиновников я до сих пор не встречала, все они страдали казакпайским самомнением и плохо скрываемым дефицитом духовности, а еще издавали напряженную энергетику – премьер Балгимбаев, помощник президента Тасмагамбетов, разумеется, Рахат Алиев – с кем мне в те годы приходилось общаться заочно-очно. Исключением был Крымбек Кушербаев – тогда руководитель пресс-службы президента, ныне аким Мангистауской области.

Галымжан вкратце объяснил ситуацию, его уже сняли с должности акима, и задал несколько вопросов, касающихся тех событий. Мы поразмышляли вместе, и напоследок он предложил мне взяться экстренно за похожий с “Общественным договором” проект, но только на телеканале “Тан”, который принадлежал Мухтару Аблязову. Я, понимая цену вопроса, согласилась. Но наши планы не осуществились, сначала по субъективным причинам, потом по объективным – телеканал у Аблязова отобрали, когда его и Галымжана посадили.

Второй раз Галымжан меня поразил, когда арестовали Мухтара, а он вернулся из-за границы. Состоялся экстренный политсовет ДВК, на котором были приняты меры по защите Мухтара. А до начала мы с Галымжаном находились вдвоем в комнате. Он стоял у окна, смотрел на улицу и спросил меня: “Гульжан Хамитовна, как вы думаете, алматинцы выйдут на защиту Мухтара и вообще – люди готовы поддержать идеи демократии?”. И тогда я, глядя на его опущенные плечи и задумчиво склоненную голову, почувствовала и восхищение этим человеком, и боль за обреченность его мыслей. Я постаралась как можно прозаичней ответить: “Нет, Галеке, сытая Алма-Ата не выйдет на улицу”. Сила Жакиянова была в его так никем не сломленной верности принципам, он ведь уже знал, что его тоже посадят. Слабость – в переоценке времени, ситуации, потенциала общества. И он дорого заплатил за свою силу

и за – слабость.

СВОИК: Видимо, я был последним, с кем Мухтар разговаривал на свободе. Из Астаны примчался Ермухамет Ертысбаев, советник президента, попросил свести его с Аблязовым, он тогда пытался “челночничать” между двумя сторонами. Мы втроем говорили в скверике у театра Абая, по четырем углам стояли охранники Мухтара, а он, еще не остыв, с бойцовским таким задором рассказывал, как его только что долго “прессовали” Абыкаев с Дутбаевым – то уговаривали, то угрожали. Как каждые пятнадцать минут звонил Назарбаев, и Абыкаев отвечал, что еще нет, но – скоро. И как он им отвечал, дескать, попробуйте тронуть – если не хотите, чтобы все банки остановились, чтобы пол-Алматы вышло на улицу. У меня, говорил Мухтар, повестка в финпол, сейчас поеду и пусть попробуют задержать – сами пожалеют. Однако – попробовали. И даже “Астана холдинг” на улицу не вышел.

Часть 3

Прошлая беседа журналиста Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика посвящалась воспоминаниям о первых встречах с главными действующими лицами истории о движении “Демократический выбор Казахстана”, заявленных вначале. А также краткое напоминание о том, как каждый из собеседников попал в оппозиционное движение Казахстана. Сегодня – продолжение рассказа, записанного в режиме живой беседы.

Слияние двух сил

СВОИК: Тот разговор Мухтара Аблязова с Нуртаем Абыкаевым (руководителем АП) и Нартаем Дутбаевым (председателем КНБ), на котором мы закончили предыдущую часть наших воспоминаний, оказался переломным. Именно после него события уже по необратимо конфронтационному сценарию понеслись с обвальной быстротой. Арест самого Мухтара, решение о котором было принято, конечно, как прямое следствие неудачи той последней попытки на верхах как-то решить дело миром, был лишь началом. Следующий после ареста день, 28 марта, оказался до предела “нашпигован” событиями.

Но я начну не с того, чему сам был свидетелем и участником – возвращения Галымжана Жакиянова из-за границы, экстренного созыва политсовета ДВК и уже ночью – “поиска проституток” в отеле “Астана”. И даже не с того, что той же ночью “неизвестный снайпер” расстрелял из автомата передающий фидер телеканала “Тан”. Если по порядку, перечислю происходящие с головокружительной скоростью события, но не в Алматы, о которых узнал позднее – знакомясь уже в качестве защитника Галымжана с материалами его уголовного дела.

ЕРГАЛИЕВА: Если по порядку, то здесь надо добавить пару эпизодов. Сближение так называемой старой оппозиции с лидерами ДВК состоялось по инициативе более опытных и “стреляных”. Появление Демвыбора бурно обсуждалось в рядах оппозиции: многие отнеслись к этому образованию с осторожностью: поживем – увидим. И вот как-то все мы собрались на очередную встречу нашего Форума демсил по инициативе Нурбулата Масанова

и Амиржана Косанова, и там зашел разговор о ДВК. Мы долго говорили, пока я не предложила сделать шаг навстречу, например, провести общую акцию, и там будет видно, насколько лозунги ДВК и они сами искренни. Балташ Турсунбаев первый поддержал меня. Надо отметить, что сами ДВКовцы вначале не очень нас признавали, говорили, что пойдут другим путем, хотя публично выражали свое почтение лидерам оппозиции – Абдильдину, Кажегельдину, Масанову...

Тогда вызвался Асылбек Кожаметов встретиться с Мухтаром Аблязовым и поговорить с ним на тему проведения общего собрания демократической общественности Казахстана. Позже мы узнали, что эту инициативу восприняли только Аблязов и Жакиянов. Началась подготовка к большому сходу оппозиционных сил страны. Это было грандиозное дело – вдруг проявилась способность многих людей к поступкам, ответственности, организованности. Хотя власти на местах ставили немыслимые преграды, но в Алматы все же собралась большая протестная сила. И 19 января 2002 года в здании казахского цирка такое собрание состоялось, которое транслировалось по телеканалу “Тан”, ввергнувшее и власть, и общество в шок. Произошло объединение двух потоков – протестного населения, которое концентрировалось вокруг оппозиции, и финансовых, организационных ресурсов ДВК. Получилась очень сильная и впечатляющая картина. Это, видимо, вдохновило ту часть ДВК, которая вышла на прямую конфронтацию с режимом (его тогда в основном олицетворял Рахат Алиев). Потом прошел митинг отцов-создателей ДВК в Алматы 20 января, собравший более 7 тысяч человек – самый многочисленный митинг протеста в истории страны. Это уже сильно взволновало самого президента, и он провел в Астане свой “партхозактив”, где не сдержал своих чувств и приказал – “прекратить этот балаган!”. Так был дан сигнал правоохранительным органам и всей власти начать борьбу с ДВК. Хотя потом Назарбаев оговорился, мол, они еще молоды, их надо простить и так далее. После этого произошел раскол в ДВК, одна часть пошла по конструктивному к власти руслу, образовалась партия “Ак жол”. Но в качестве компромисса президент снял Рахата Алиева с должности заместителя председателя КНБ и поставил его во главе своей охраны (помню замечательную фразу Серикболсына Абдильдина на пресс-конференции по этому поводу: это еще неизвестно, кто кого будет охранять). Публично Назарбаев встал на защиту родственника, заявив, что его дети тоже имеют такие же права, как все, и могут заниматься бизнесом или управлять страной. Мол, главное, чтобы честно работали.

А до этого было сильное выступление в мажилисе депутата Толена Тохтасынова, который впервые озвучил все владения хозяйки медиа-горы Дариги Назарбаевой и назвал эту ситуацию опасной для национальной безопасности. Но президент сделал вид, что ничего не слышал.

Перед арестом, где-то за неделю, Мухтар Аблязов пригласил меня на встречу и попросил поговорить с Абдильдиным, Савостиной и РНПКовцами, чтобы они были готовы вывести народ на улицу с жесткими политическими требованиями. Я передала просьбу Мухтара, но его внезапный арест изменил события.

Помню, Мухтара арестовали в день 50-летия Акежана Кажегельдина, когда оппозиционная общественность отмечала юбилей лидера РНПК. Приехала Б. Туменова, вызвала нас на улицу и сообщила об аресте Аблязова...

Выбор Жакиянова на границе

СВОИК: На другой день после взятия в Алматы под стражу Аблязова, в Павлодаре (в двух разных судах) прошли как под копирку (тексты решений совпадали именно “под копирку”) два разных заседания по решению двух хозяйственных споров, оба – насчет отмены решений о приватизации двух не работавших сельских объектов – ремзавода и отработанного рудника. Тут же прокуратурой со ссылкой на эти решения возбуждаются два близнецовых уголовных дела, и соответствующие бумаги в тот же день успевают как-то достичь Астаны. Где на их основании в тот же день появляются уже решения на уровне руководства МВД по всей цепочке: зам пишет свою бумагу на министра, министр успевает рассмотреть, издать свою. Успели даже найти и назначить следователя по особо важным делам.

Единственное, чего не успели в тот длинный день 28 марта – это присвоить следователю очередное звание и подписать ордер на арест Жакиянова. Ордер был датирован уже следующим днем, и теперь понятно, почему полицейские и прокурорские начальники в ночь с 28 на 29 марта, часа в четыре утра, когда мы тоже по тревоге съехались в гостиницу “Астана”, вели себя как-то неуверенно. Говорили, что это обычный ночной рейд по поиску проституток, которые, дескать, мешают гостям спать. Почему и стучались в номера – искали, кто “мешает”. Глупо, конечно, но и их можно понять – бумаги на арест у них тогда еще не было.

Кстати, оба обвинительных эпизода, послужившие поводом для выписывания арестного ордера Жакиянова, оказались слишком уж натянутыми даже для последующего суда. В обвинительном приговоре они, конечно, тоже присутствовали, но упор был сделан на другое – нецелевое использование бюджетных денег (около 12 тысяч в долларах).

Спрашивается, почему же потребовалось так срочно “гнать лошадей”, непременно успеть “сшить дело” именно в тот день? Ответ напрашивается только такой: до того на Жакиянова, конечно, активно “копали” все, что можно (как и на Аблязова), но “отмашки” не было... Именно тот последний разговор Мухтара с Абыкаевым и Дутбаевым и послужил “спусковым крючком” для начала уже силовой развязки.

И здесь стоит подчеркнуть весь драматизм того момента: речь шла вовсе не о том, чтобы заставить ДВКовцев отказаться от требований своей только что обнародованной “Демократической платформы”. Противостояние того момента имело персональный характер, и вопрос стоял буквально: Кто – Кого.

Чтобы пояснить эту формулу, надо бы вернуться где-то в середину 2001 года – до появления ДВК. Тогда рахатовские “Караван” и КТК отчаянно “мочили” и Аблязова, и Жакиянова, но подоплека даже для нас – наблюдавших со стороны, была разная.

Противостояние Алиев – Аблязов имело выраженный бизнес-характер, в область политической публичной полемики это не переходило, такого я не припомню. Но схватка была просто яростная, люди Рахата, помнится, даже арестовывали Мухтара где-то на трапе самолета, но он тогда отбил.

Тогда как аким Жакиянов, помню, сильно удивил нас серией собственных публикаций в российских и казахстанских газетах политической направленности. Запомнилась большая

статья в “Панораме”, где было и про выборность акимов, и вообще про честные выборы, многое из того, что через полгода станет “Демократической платформой ДВК” из пяти основных пунктов.

Рахат же тогда позиционировал себя эдаким комиссаром Катаньи, и с очевидным подтекстом (до монархии он еще не додумался) пропагандировал президентский образец Де Голля. Вот именно эта политическая составляющая и просвечивала сквозь их полемику в СМИ.

Да, Мухтар и Галымжан, какими мы их увидели в ДВК, были в тесной связке. Но и тогда выглядели несколько по-разному. Мухтар был более “заточен” по личностям и менее открыт. Бизнес – штука жесткая, и если только по его логике, то в нем каждый – сам за себя. Скажем, что между БТА и Казкомом особой дружбы нет – и это тогда прорисовывалось.

Два несходных факта меня тогда удивили – от всей бизнес империи Аблязова в ДВК пришел только Владимир Козлов. Тогда как практически вся половина ДВК, что состояла не из “старой оппозиции”, была жакияновская. Сам был министром и знаю, все замы-помы элементарно сохраняют свои места, стоит им всего лишь молча забыть про “шефа”. Жена свидетель: я тогда удивлялся – что такого есть в Жакиянове, если с ним в оппозицию перешел чуть ли не весь аппарат акимата?

Позже, да – перед закрытием Народной партии ДВК, часть фигур, скажем так, рокировалась вплоть до численного перевеса. Но это началось уже после помилования Аблязова...

И еще один момент, предшествующий событиям 27-28 марта. Перед этим Галымжана в стране долго не было. Он, я знаю, летал в Москву, устанавливал контакты с СПС (впоследствии, когда мы с Толеном уже сами ездили в Думу, встречались с Немцовым и Хакамадой как со старыми знакомыми). Потом возвращался, опять улетал уже в Европу.

Из Парижа он и прилетел 28 марта, уже зная об аресте Мухтара. И, как рассказывал мне, приземлившись в Бишкеке (понятно почему), на границе с Казахстаном вышел из машины и полчаса ходил вдоль нее. Вопросы “пересекать - не пересекать” не было, но ему надо было привыкнуть к тому, что ожидает его впереди...

Час пик Тасмагамбетова

ЕРГАЛИЕВА: Это был труднейший период и для самой власти. Если в Казахстане до этого пытались из лидеров оппозиции делать изгоев – Абдильдин, Кажегельдин, Своик, которые якобы по своей “дурости” попали по другую сторону власти, то с появлением ДВК такое говорить уже было бы глупо. Власть получила организованный выход почти всей своей молодой части, включая бизнес-элиту, которая так или иначе тоже является продуктом власти. Факт, что ДВК вылился в осознанный и организованный протест против системы, говорил о неустойчивости самой системы. И вместо того чтобы извлечь из этой патовой ситуации разумные выводы, например, уже тогда обезвредить и Рахата Алиева, и Даригу Назарбаеву и вообще – в корне изменить приоритеты в системе и пойти на оздоровление правил внутри себя, власть пошла по пути подавления инакомыслия. Мягкотелый премьер-министр Токаев, как бы допустивший этот “бунт” в правительстве, да еще замеченный в неформальных отношениях со старшим зятем президента, тоже стал ненадежным. Его сменили 28 января 2002 года, через неделю после ударного собрания оппозиции и мощного

митинга ДВК, на жесткого и в определенном смысле безумного на расправу Имангали Тасмагамбетова.

Сопrotивление начиналось и в парламенте. Блок коммунистов-депутатов во главе с С.Абдильдиным напирал на власть своими запросами по “Казахгейту”. ДВКовцы-депутаты Тохтасынов и Батталова тоже не давали покоя своими выступлениями и требованиями раскрыть тот или иной документ по приватизации. Поэтому в качестве равнозначного противника им был выставлен новый премьер Тасмагамбетов. И вот состоялось его знаменитое выступление в парламенте, когда он отвечал на запросы коммунистов по поводу “Казахгейта”. На том заседании Тасмагамбетов невольнo проговорился про спрятанный президентом за рубежом миллиард долларов “на черный день” (фактически незаконно). Про этот миллиард коммунисты сами слышали на том заседании от премьер-министра впервые, они докапывались до 78 миллионов долларов, арестованных швейцарскими прокурорами в американских банках по делу, получившему название “Казахгейт”. И тогда же Тасмагамбетов в своем агрессивном духе погрозил стране: теперь будем стрелять не по уткам, а по более крупной птице (почти дословно). Подразумевались, конечно же, бывший аким Жакиянов и экс-министр Аблязов.

И.Тасмагамбетов, засучив рукава, вместе с министром МВД К.Сулейменовым взялся за ДВК и за оставшихся после его раскола лидеров. Этот стиль Тасмагамбетова теперь хорошо знаком стране – разгонять, хватать, сажать... (потом будут события в Бакае и Шаныраке, приведшие к трагедии, осуждение десятка человек во главе с Ароном Атабеком).

“Круг второй” Аблязова

СВОИК: Диспозиция к тому “переломному дню” сложилась уже вполне определенная: партия “Ак жол” вобрала в себя всех тех, кто не собирался раскаиваться, идти обратно на поклон власти, но и не хотел силового противостояния. Достаточно адекватно, как я думаю, оценивая расклад сил на тот момент. Показательным для этой части первооснователей ДВК было отношение к “старой” оппозиции по принципу “вы – одно, мы – другое”. Поэтому на собрании в аблязовском цирке 19 января не было ни одного из будущих акжолцев, а на подиуме митинга ДВК на следующий день – мало из нашего представительства.

Именно смывка Аблязова и Жакиянова с нами была более чем ясным сигналом: оставшееся без “Ак жола” движение ДВК – радикальная организация, готовая идти “до конца”. И при этом вот этот “конец”, как я сейчас понимаю, предполагался тогда форсированным. Что не оставляло выбора и самой власти. Либо “старая власть” должна была, что называется, поделиться властью (со всем вытекающими из этого дальнейшими последствиями для нее), либо банки останутся, а улицы Алматы заполнятся протестующими.

При этом такая (наутро не состоявшаяся) перспектива, как я понимаю, обеими сторонами напряженнейшего разговора 27 марта расценивалась как вполне реальная.

В самом деле: только БТА банк и Астана-холдинг, не считая всего прочего – это сотни и сотни сотрудников, включая профессиональные службы охраны. Плюс – открыто вещающий “Тан”. Все это реальная сила, с позиции которой и разговаривал со своими оппонентами Мухтар. Он рассчитывал, что у него получится. Но получилось так, как получилось. Могло ли тогда получиться по-другому? Я вам скажу – тогда получилось именно так, как только и

могло получиться. А мог ли тогда по-другому повести себя Мухтар?

Выскажу на этот счет свое личное мнение. Основанное и на всем том, что случилось потом (включая и совсем недавние события), а также и на своих наблюдениях еще до возникновения ДВК. Мнение такое: Мухтар действовал абсолютно для себя естественно.

Про него говорят, что он хороший шахматист. Думаю, применительно к нему понятие “Игра” надо рассматривать много шире. Политика и бизнес, партнеры и соперники – это все Великая Шахматная Доска, на которой можно двигать фигуры, рассчитывать многоходовки и обязательно всех обыгрывать. Обыгрывать – если даже партия кажется проигрышной и таковой оказывается на самом деле. Что ж – даже поражение можно обратить в победу, если по-новому перегруппировать фигуры и – снова в Игру!

Кстати, сейчас опять, с отъемом у Мухтара БТА банка (который у него отняли еще до помилования, и в котором с тех пор у него не было ни одной акции – только позиция наемного управляющего) эта бесконечная Великая Шахматная Игра отнюдь не кончилась. Просто – начинается еще одна, следующая, и опять с расчетом на выигрыш.

И вот для Мухтара – с его-то энергией и умением, кипящими амбициями и незаконченными делами – начинается еще одна партия, и что начало этой партии так совпало с анонсированным нами рассказом, казалось бы, о прошлом ДВК – немного смущает.

Мы, Гульжан, долго собираясь рассказать о том, что было, оказывается, взялись рассказывать историю отнюдь не закончившуюся, сейчас продолжающуюся, и вновь – с интригующим своей “комбинаторской” непредсказуемостью продолжением.

ЕРГАЛИЕВА: Вы правы, Петр Владимирович, если подразумеваете, что история имеет свойство повторяться дважды: сначала в виде трагедии, а потом – в виде фарса. Что сегодня случилось с Мухтаром Аблязовым. Вы уже говорили, что Мухтар и Галымжан сели в тюрьму одинаково – за политику, но вышли из нее по-разному. Тогда Мухтар, бурно отсидев сначала в “черной” зоне, а потом – в “красной”, быстро вышел на свободу, публично отказавшись от всех и вся – от ДВК, от убеждений, от своей книги, от нас (правда, это мы узнаем много позже), но получил взамен бизнес и процветание (как потом выяснится, плохой ценой). Так завершился его “круг первый”. Сегодня он начинает “круг второй”, который, я уверена, пойдет по той же траектории – это личная война Мухтара, но уже не наша. И надо предполагать все что угодно – вплоть до союза с Рахатом Алиевым, который когда-то был причиной его сломленной судьбы. Они сегодня оба в одинаковом положении, и их мотивация, на самом деле, далекая от политики, концентрируется лишь в орбите сугубо личных интересов. Для Мухтара, как и для Алиева, все – пешки, кто задействован в их большой игре.

Вы говорите, что вас несколько смущает это “возвращение на круги своя”. Меня не смущает нисколько. Да, случилось совпадение наших намерений рассказать историю ДВК с новым противостоянием властей и Мухтара Аблязова, у которого отобрали бизнес во второй раз. Не смущает, потому что у нас своя причина, у властей – своя, и мы тут не пересекаемся. Не смущает, потому что Мухтар оказался “ложной тревогой” для всех нас, когда мы, тоже рискуя, хотели продолжить дело ДВК, но оказались в положении “шах и мат”, так как за нашей спиной велась совсем другая игра. И мы должны в этой истории расставить все акценты, чтобы тысячи людей больше не становились “пешками” в этой партии, которых

могут снова просто так бросить на плаху, имитируя большую политику, а на самом деле просто играть.

Я также считаю, что мы обязаны извлекать не только горькие уроки, но и учиться взрослеть, становиться сильными, больше не позволять никому не считаться ни с реальностью, ни с угрозами, ни с нашей честью, как это было в 2002 году, когда президент “обменял” всех на одного Рахата. Наконец, все может опять повториться – и новые преследования Галымжана Жакиянова, и репрессии против Булата Абилова, и гонения активистов оппозиционных партий. И так далее. Рассказать надо, чтобы открыть “крапленые карты” кое-кого, кто может опять вовлечь людей в эти опасные приключения.

История ДВК – это не только героизм и поступок. Это еще и технология предательства, подкупа, обмана, торга... И кто был жертвой, а кто игроком – вопрос крайне актуальный именно сегодня, когда общественные процессы в стране неизбежно будут меняться – это связано и с кризисом, и с собственно внутренними проблемами Казахстана. И еще – чтобы дважды не наступать на одни и те же грабли.

Часть 4

В последней части беседы журналиста Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика о знаменательной истории политической организации “Демократический выбор Казахстана” говорилось о причинах ареста лидеров ДВК Мухтара Аблязова и Галымжана Жакиянова весной 2002 года, в реальность которого верилось с трудом. А также обсуждался вопрос – насколько закономерен рецидив нового конфликта М. Аблязова в недавней должности управляющего БТА Банка с властями. И что “круг второй” экс-банкира представляет по своей сути – политическое сопротивление или личную войну?

Все всерьез и надолго

ЕРГАЛИЕВА: Итак, арестовали Мухтара в конце марта. Галымжан попадает под пресс – за ним следят, устраивают везде облавы, наконец, “пасут” вокруг французского посольства, где он скрывается... На улице Курмангазы, где находилось сразу три посольства, каждый день и вечер происходят события: мы стоим через дорогу (это наша точка), дежури́м, чтобы власти не похитили Жакиянова; на другой стороне имитируют протесты “студенты” и “амантаевцы” полковника Бектасова, которые, напротив, требуют от французов выдать Жакиянова – нехорошего акима. Сюда часто приезжает пресса. Несколько раз полицейские пытались спровоцировать беспорядки, чтобы найти повод разогнать нас. Но на этом “перекрестке демократии” вовремя появлялась сенатор Батталова и буквально вступала в схватку с полицией, пользуясь своим мандатом. Но однажды “хулиганам” удалось все же избить одного из операторов и устроить пару потасовок. Особое упорство выказывали пенсионеры Ирины Савостиной – они еще пытались вести воспитательную работу среди “протестующих”, на самом деле – нанятой спецслужбами молодежи. Запомнился Сергей Дуванов в те дни. Он принес флаг Франции и долго размахивал им перед окнами французского посла, символизируя благодарность за то, что тот не выдает лидера оппозиции казахстанским властям.

Тем временем три посла – Франции, Германии и Великобритании ведут переговоры с чиновниками из Астаны и добиваются от них письменных гарантий (подробности не помню). Но смысл заключался в том, что Жакиянову будут предоставлены все возможности защищать свои права, если он выйдет из посольства. Что он не будет до суда арестован и т.д. Но чиновники – обманули. (Наверное, этот случай потом вспомнят в Австрии перед тем, как отказать казахстанским властям выдать Рахата Алиева). Жакиянов не собирался эмигрировать из страны, хотя ему такие предложения поступали. Но как только он вышел из посольства и успел переодеться дома, его арестовали, посадили в самолет и отправили в Павлодар под стражу. И с этой минуты вера в здравый смысл умерла. Нужно было искать другие пути.

СВОИК: Не скажу, насколько реально оценивал перспективы оказаться в тюрьме Мухтар Аблязов, судя по его пересказу “задиристого” разговора с Абыкаевым – Дутбаевым перед самым арестом. Но вот его поведение на суде достойно самой высокой похвалы. Сохранял абсолютное спокойствие, ни разу не сорвался, не повысил голос, и при этом – активно участвовал в процессе. Если профессиональные адвокаты упирали на юридическую несостоятельность обвинений, то Мухтар просто классно громил именно фактическую, экономическую суть вменяемых ему эпизодов. Доступно и толково, даже с какой-то благожелательностью объяснял всем суть тех бартеров и взаимозачетов, без которых в те времена взаимных неплатежей энергетика и промышленность просто не выжили бы.

И хотя сроки Мухтару и Галымжану мы заранее “вычисляли”, но что все будет именно так долго и жестоко, не предполагали. Помнится, за несколько дней до отправки Мухтара в колонию я и Толен ужинали с М. Кетебаевым и И. Петрушовой, и они никакого уныния не выражали. Говорили: как только определится место отбытия – Мухтару жизнь и в зоне будет организована нормально.

Галымжан в заключение пошел тоже осознанно, но сознание перспективы было, скажем так, оптимистическое. В Павлодаре, когда шел суд, я, как защитник, имел возможность много общаться с ним в “соляном бараке”. И как-то вечером он развивал мысль – сколько могут продержат его в заключении. Выходило – уже к зиме Назарбаеву придется их обоих освобождать – общественное мнение в стране, за рубежом и все такое. Понятно – этим он как бы ободрял и себя, и нас, но тогда такое продолжение событий не казалось нереальным. Еще две иллюстрации.

Хотя посол Франции сам дал машину, чтобы вывезти Жакиянова из отеля “Астана”, тот факт, что Галымжан “задержался” в посольстве, породил дипломатический тупик: выдавать его, конечно, не стали бы, но и держать без срока – тоже. Нам дали понять, что если Галымжан попросит политического убежища, он его получит, после чего сможет благополучно покинуть Казахстан. По этому поводу мы провели специальный политсовет, где приняли рекомендацию – попросить, но решение оставили за самим Галымжаном. Заведомо понимая, что он просить не будет.

Еще одна возможность такого рода была уже в “соляном бараке”. Достаточно солидные люди предложили свою помощь, чтобы вывезти Галымжана за границу, а там оформить политическое убежище. Я об этом сказал Галымжану, но мы это не обсуждали, он к себе роль беженца из страны даже не прикладывал.

Тем не менее осудили, отправили по колониям, и ситуация плотно “зависла”. Время шло, и было видно – все всерьез и надолго.

Неудачное предприятие

ЕРГАЛИЕВА: Суды над Мухтаром и над Галымжаном явились беспрецедентными в Казахстане. К ним было приковано внимание не только международных организаций, которые посылали своих наблюдателей на процессы, но и нашей общественности. Оппозиция смогла организовать мощные и длительные пикеты у зданий судов (по несколько сот человек из разных регионов страны, хорошо экипированные плакатами и майками), заработала информационная машина. Мне было поручено выпускать газету-самиздат, которую печатали на принтере, я, помню, называли ее “ЧС” – как Чрезвычайная Ситуация или Честное Слово. Ее распространяли по домам жителей Астаны, где шел суд над Мухтаром, потом – в Павлодаре, где шел суд над Галымжаном. В ней мы рассказывали истину ареста лидеров ДВК и буквально громили несостоятельные обвинения прокуроров на процессе и вообще – показывали весь этот фарс в анфас и профиль. Газета имела бешеный успех среди граждан этих городов, которые, возможно, впервые вчитывались в правду о нашем политическом режиме.

Меня на процессе Мухтар тоже поражал: умница, настоящий интеллект, он представлялся мне Чоканом Валихановым. Он написал мне несколько коротких писем, они были очень искренними: “думал, что у меня было много друзей, но теперь понял, что их никогда не было по-настоящему, почти все предали, зато есть вы – мои новые друзья”. И я поверила. Мухтар хорошо понимал, что его ждет, но очень крепился. Когда зачитали длинный приговор, не забуду его лица – оно исказилось от боли, Мухтар изо всех сил боролся с эмоциями. Он знал, что его осудят, но не знал, как трудно это выдержать. Я была поражена – приговором, цинизмом судьбы, власти, суть которой с приговором Аблязова больше не была секретом, она, как говорится, показала свою морду лица. Разочарование – глубокое и шокирующее – вот что я испытала после приговора. Помню первое, что я сказала, это был Толен Тохтасынов: “Такое Бог не должен допускать, вот посмотрите, с этой минуты на Назарбаева начнут обрушиваться несчастья. Он проиграл”.

СВОИК: Осенью после “посадки” я на свой страх и риск написал записку президенту. В ней говорилось, что хотя осуждение лидеров ДВК сильно ожесточило обе стороны, поэтапная демократизация политической системы все равно остается в повестке дня. Более того, как раз сейчас ее начало могло бы послужить развязкой тупиковой проблемы конфронтации оппозиции и власти. После такой преамбулы предлагалось создать Государственную комиссию по демократизации из расчета проведения необходимых преобразований в течение трех-пяти лет. Начиная с местного самоуправления, что правильно со всех точек зрения: и как последовательность строительства сначала фундамента (и школы) демократии – в городах-поселках, а уже затем – системы парламентского правления, и с позиций перенесения центров политической активности на места, в регионы.

(Еще в “Азамате”, подробно разобрав тему самоуправления, мы пришли к выводу, что это и есть самая правильная технология, и единственно реальный шанс уйти от авторитаризма к взаимной выгоде и по взаимному, как говорится, согласию. При этом МСУ следовало учреждать только в населенных пунктах – от самых малых аулов и до самых больших городов, включая обе столицы. Лозунг же избрания областных и районных акимов – он

хорош для подрыва основ режима, для “раскачивания” регионов, но не для строительства устойчивой демократической государственности. Поэтому на первых же встречах с Галымжаном и Мухтаром я их предупредил, что с этим пунктом “Платформы ДВК” я не согласен, и оставляю за собой право потом это оспорить. Но потом, сейчас же это я выпячивать не буду, и сотрудничеству он не мешает).

Одновременно с Указом о создании Госкомиссии предлагалось выпустить и Указы о помиловании Жакиянова и Аблязова.

Записка эта через Ермухамета Ертысбаева легла на стол президента и... оказалась очень кстати. На ней появилась одобрительная резолюция и аппарат начал реагировать как-то удивительно быстро.

Я встретился с Тажиным, и мы сразу стали оговаривать уже суть дела. Марат, я видел, был даже полон какого-то своего энтузиазма, хотя и прикрытого привычной его осторожностью. “Режим, Петр Владимирович, за то время, пока вас с нами не было, сильно изменился, и не в лучшую сторону”, – примерно такие слова он мне сказал где-то на втором часе разговора, видимо, наблюдая мою эйфорию. “Это – наш последний шанс”, – констатирует чуть позже, и видно было, что сказано не для формы, а – от скрываемых в душе чувств.

Что касается помилования – замглавы Администрации был полностью “за”, включая и тот вариант, что от самих осужденных никаких покаянных заявлений не требовалось. Юридически процедура помилования такое допускала, практически же недавний председатель КНБ говорил (не слишком уверенно) – давайте попробуем...

Что же до руководства Госкомиссией по демократизации, то здесь Тажин сразу сказал, что должность престижная, но в аппаратном смысле – невесомая. Поэтому надо бы параллельно занять и официальный пост. Зная, что разговор на это все равно вывернет, я ответил заранее продуманное: из всех возможных министерств хоть как-то соответствует Минсоцтруда. Тем более что я действительно поработал бы там с пользой и удовольствием, да к тому же и нынешний министр явно не тянет. Как говорится – попал, начиная с признания, что министра действительно давно пора менять. Но, добавил я, поскольку демократизация – это не выступления, а конкретная и большая работа, затрагивающая компетенцию чуть ли не всей исполнительной власти, нужен еще и статус вице-премьера. С этим тоже дискуссии не было, нужен так нужен.

Единственно, сказано было мне, к президенту вы должны зайти с новым обращением, дополненным, и тем, что мы сейчас оговорили. Хорошо, я записку переписал, и Марат отдал ее печатать – на какой-то хорошей бумаге.

Забавная (и поучительная) подробность. Наутро решающего дня Марат Мамбетказиевич вынес (на торжественно негнущихся руках) мне эту бумагу, лежащую уже в красивой папке, чтобы последний раз вычитать и подписать. Прочитал, все в порядке, одна только опечатка: вместо “вице-премьер” бестолковая машинистка распечатала “вице-министр”. Марат огорчился, извинился, опять перепечатали – уже без ошибок.

Теперь настал черед идти к главе АП – Абыкаеву. Разговор получился коротким – Нуртай Абыкаевич сразу сказал, что все знает, со всем согласен, все поддерживает. Единственно, насчет помилования – тут он выразил некоторые сомнения, стоит ли, но принципиально не

возражал. И сразу поднял трубку – договариваться нам заходить к президенту. Выслушав же, сказал мне, что сначала я должен зайти к премьеру – будет неправильно, если его обойти.

С Тасмагамбетовым (это уже на следующий день) в части Госкомиссии и моего “трудоустройства” разговор тоже получился нормально коротким – возражений нет, все приветствуется. Зато по помилованию заявил решительное несогласие. И сказал примерно: вы за них просите, а знаете, что сегодня Аблязова в колонии поймали на грубых нарушениях режима, у него изъяли ноутбук, он писал книгу, и если бы вы видели, какой грязью он полил руководителей государства – больше бы не просили...

Я что-то такое говорил типа, что ж вы хотели, тем более надо выпускать, чтобы не усугублять вражду далее, но премьер сказал, что сейчас он уже должен ехать – провожать куда-то президента, там с ним и переговорит, а по возвращении мы продолжим.

Но мы продолжили с Тажиным. Тасмагамбетов позвонил ему и сказал, что сам прилетит в Алматы и встретится со мной, а до того мне предлагалось опубликовать свою статью в газете “Время” про необходимость договариваться с властями и про Госкомиссию. Я слегка удивился, но если хотите – опубликую, конечно.

ЕРГАЛИЕВА: Я хорошо помню этот момент, хотя лично мне никто об этом не рассказывал (меня в оппозиции, наверное, воспринимали как “актера второго плана”). Ходили только слухи, что Своик встречается с властями. Я спросила Нурбулата Масанова, правда ли это? Нурбулат, который не умел врать, мне все рассказал. Я до сих пор не знаю, права ли я была тогда. Но я лично не одобрила этот план, слишком все было просто – сначала посадили с такой потерей “лица”, теперь – отпустили... Но больше всего мне не понравилось, что среди оппозиции кое-кто хотел на этом “продвинуться”. Нурбулат говорил, что в качестве условий оппозиция выдвигает не только освобождение Аблязова и Жакиянова, но и получение министерских портфелей. Своик – министр по социалке, Кожахметов – министр образования, Масанов – директор научного института, дальше не помню. Спросила мнение Масанова. Он ответил, что это, скорее всего, попытка “голубей” вокруг президента добиться освобождения заключенных, а то, что оппозиция грузит власть портфелями – полный блеф, что никогда президент не пойдет на это, он слишком напуган событиями 2001 года. И потом – это было мнение Нурбулата – если освободить Аблязова и Жакиянова, то надо реабилитировать Кажегельдина. А это для властей тем более не реально. Я с ним согласилась.

“Работа” над Мухтаром и Галымжаном

СВОИК: Как раз до того дня, когда Мухтар “попался” со своей книгой, жизнь у него в заключении (как я понимаю) была не такая уж суровая. После, да – он прошел через ужасное, но до того имел возможность поддерживать с нами обычную сотовую связь (в отличие от Жакиянова, изолированного наглухо). А потому о моих переговорах в Администрации знал, что называется, в режиме реального времени. И в целом их одобрял. Вплоть до того момента, как я отправился к Тасмагамбетову, здесь Мухтар вдруг резко заявил, что надо прекращать, что толку все равно не будет, все равно обманут.

Не знаю, с чем был связан такой поворот: если у него еще была “сотка”, то, наверное, он говорил до того, как к нему ворвались. Значит – просто сам решил, что ничего хорошего из моей затеи не получится. И оказался прав, что потом и подтвердилось. Однако – это потом, а

пока продолжим.

Встреча в Алматы состоялась, но прилетел не Тасмагамбетов, а опять Тажин. Было подтверждено: сначала нужна моя статья, потом Госкомиссия.

Марат предложил поговорить где-нибудь в спокойном месте, мы поехали по дороге к моей даче, остановились на горке, откуда весь город был виден. Стали, беседуя, прохаживаться. Вдруг идет человек, слегка пьяненький, видит солидного Марата, “мерс” его шикарный, и на подходе начинает кричать: “Эй, мужик, ты хоть знаешь, с кем разговариваешь, это же Своик!”. Думаю, этот эпизод тоже поработал на имидж оппозиции в глазах АП.

Статью я подготовил (при заинтересованно деятельном участии Игоря Мельцера – большого мастера такого рода балансов). Вариант ушел Тажину, тот по написанному возражений не имел, но предложил два своих абзаца-дополнения, тоже как бы для баланса, но мне они показались неприемлемыми.

Все поймут, что Своик купился, тем более после перехода в правительство, – вам-то зачем это надо, – примерно так сформулировал свои возражения. – Ну, переманили еще одного, для оппозиции не катастрофа, для власти не приобретение – кому от этого польза?

Однако все такие переговоры из кабинета Игоря Максимовича успеха не имели, без абзацев не соглашался Тажин, с ними – я. Нет – так нет, и статья не вышла. На чем данная часть “марлезонского балета” и закончилась. Однако то была лишь первая часть, вскоре последовала и вторая.

О ней – в следующий раз, пока же скажу, что вот эта задержка – когда встреча с президентом была отложена, да и премьер тоже взял тайм-аут – она, конечно, произошла еще и потому, что в тот день спецслужбы завершили давно готовящуюся против Мухтара “операцию”. С ним начали “работать”, и пока результаты этой работы оставались еще неясными (то была лишь осень, помилование же осуществилось следующим летом), прочие процессы замедлились – в ожидании.

ЕРГАЛИЕВА: Дальше и началось расхождение оппозиции. Это зависело от того, как сидели два лидера ДВК. Чем больше нажимали на Жакиянова в Кушмуруне (об этом я писала чуть ли не каждую неделю в доступной прессе, а потом в газете “Соз”, где была шеф-редактором), тем шире становились разногласия в руководстве ДВК, потому что мы требовали более активных действий, но другая половина “поймала тишину”. Вы правильно говорите, с Мухтаром начали “работать”. С Галымжаном тоже работали и КНБ, и МВД, и КУИС. Но он стоял на своем и ни на какие условия не шел, а наши депутаты и Карлыгаш Жакиянова, которые имели доступ к арестанту, всеми силами помогали ему противостоять – прежде всего гласностью в парламенте и в миру. Мы были хотя бы в курсе, что происходит в Кушмуруне с Жакияновым, но ничего толком не знали, что с Мухтаром, который сидел сначала в “черной” зоне, а потом – в “красной”, хотя депутаты от оппозиции его тоже посещали регулярно. Но Мухтар постепенно отходил от нас.

В “черной” зоне власть фактически принадлежит криминалу (эта традиция, видимо, сложилась еще со сталинских времен – своеобразная “тюремная демократия”, чтобы снимать напряжение в огромных лагерях). Там Мухтар сидел как вор в законе (наверное, за деньги), то есть имел привилегии – хорошее питание, связь, компьютер, развлечения... Но после того

как он написал в неволе свою книгу “Воспоминания”, его перевели в “красную” зону – в руки надсмотрщиков в погонах, которые тоже трудятся до сих пор по сталинским традициям.

Часть 5

Диалог Гульжан Ергалиевой и Петра Своика в режиме воспоминаний посвящен истории падения известного политического движения “Демократический выбор Казахстана”. В предыдущих частях говорилось о личных знакомствах с арестованными впоследствии лидерами ДВК, о том, как оппозиция вела защиту Аблязова и Жакиянова во время судов и до этого, рассказывалось о попытках добиться помилования для политических заключенных путем переговоров с элитой власти и создания общей площадки по выработке демократических процессов в Казахстане.

Сплошной “облом” власти и вторая попытка

ЕРГАЛИЕВА: Петр Владимирович, в прошлый раз вы обещали перейти ко второй части “марлезонского балета” – о том, как проходила ваша попытка повернуть власть лицом к проблеме конфронтации с оппозицией, которая сильно усугубилась после осуждения Мухтара Аблязова в Астане на 6 лет и Галымжана Жакиянова в Павлодаре на 7 лет весной 2002 года. Этими приговорами власть сильно подкосила сама себя – напугала народ, а не доказала свою правоту, шокировала международную общественность, которая мощно осудила эти репрессии, разочаровала бизнес-представительство, так как Рахата пожалели, а тех, кто уберег от него президента, – посадили. В общем, у властей получился сплошной “облом”.

Но еще до того, когда арестовали лидеров ДВК, общество как бы почувствовало скатывание страны к правовой и политической диктатуре. После мощной поддержки идей ДВК – собрания демократической общественности и митинга в Алматы, инерция общественной активности получила новый всплеск уже на локальном уровне. Например, когда блокировали телекомпанию ТАН – расстреляли фидер на передающей антенне, обложили компанию запретительными бумагами, меня попросили создать Комитет по защите ТАН. Я разработала план действий, пригласила в состав комитета известного писателя Герольда Бельгера, правозащитника Нинель Фокину, режиссера театра Булата Атабаева, журналиста Розлану Таукину. Мы провели пресс-конференцию, на которой все члены комитета выступили с искренним и убедительным протестом против властного произвола. Действительно, это было возмутительно и пошло (как сейчас пошло штрафовать газеты на десятки миллионов по политическим мотивам).

Мы провели большую акцию во дворе телекомпании ТАН – митинг, запускали воздушные шары с надписью “Свобода ТАНу”, что-то было в этом высокое и светлое, целую неделю двери телекомпании охранял общественный караул – люди круглые сутки сидели на улице, сменяя друг друга. И опять пенсионеры движения “Поколение” в основном несли вахту защиты. Зрители ТАН постоянно приходили на вахту и тоже сидели с нами. Все были

вдохновлены общей целью. (Сотрудники телекомпании записывали все эти события, наверное, эта хроника где-то сохранилась).

Были моменты, когда казалось, что вот-вот власть образумится и сдастся под натиском общественного давления – пересмотрит приговоры, снимет блокаду ТАНА, начнет диалог... Тогда был реальный шанс, так мне казалось, изменить атмосферу в стране. Я в пылу даже написала открытое письмо президенту Назарбаеву с названием типа “Я надеюсь!” и позвонила главному редактору газеты “Время” Игорю Мельцеру с просьбой опубликовать его. Сначала Игорь скептически отнесся к моей просьбе. Но когда я сказала, что это мой ответ президенту на его вопрос, заданный Олжасу Сулейменову: почему Гульжан ушла в оппозицию, редактор заинтересовался текстом. И опубликовал его в ежедневке. Помню, я всю душу вложила в этот текст – мне хотелось, чтобы президент увидел ситуацию другими глазами, как мы ее видели снизу. Я старалась объяснить ему, что в стране пошло не так, почему мои мысли повернулись на 180 градусов после ухода с должности директора телекомпании “Мир”. Что арест его бывших молодых соратников ляжет темным пятном на его репутацию и – навсегда, потому что это будет глубоким разочарованием миллионов людей в его светлом образе, которым они жили. И так далее. Но – увы, этот порыв остался незамеченным.

СВОИК: Да, прошлый раз я остановился на неудаче первой попытки разрешить тупик политического противостояния ДВК-Власть через создание Государственной комиссии по демократизации с одновременным изданием Указа о помиловании Аблязова и Жакиянова. Даже теперь не берусь судить, был ли тогда шанс на успех. С одной стороны, я имел возможность лично убедиться, что все высшие руководители государства тогда, хотя и в разной степени, были заинтересованы в разрядке. С другой стороны, сразу была видна и игра – желание “подловить” оппозиционера-инициатора создания Госкомиссии на эдаких аппаратных штучках, выставить меня как просителя какой-то незначительной должности или как автора капитулянтски-соглашательской статьи во “Времени”.

Тем не менее, судя еще и потому, что пусть не Госкомиссия по демократизации, но хотя бы всем известное ПДС (Постоянно действующее совещание по демократизации) все же появилось, причем – на следующий же день после безуспешного завершения уже второго акта “марлезонского балета” (о чем сейчас и пойдет рассказ), шансы все же были.

Неуспех же той моей инициативы (глядя опять же из сегодняшнего дня), думаю, определился сочетанием фундаментального и ситуационного факторов. Фундаментальный фактор – это органическая неспособность режима к реальной демократизации. Создать видимость, пойти на второстепенные декоративные элементы – это даже приветствуется, но впустить самоуправление на местах и многопартийный парламентаризм в систему личной власти – это противоречило самой природе режима. И тогда, и сегодня.

Роль же ситуационного фактора сыграла хронологическая накладка: надо же было так случиться, что Мухтара в зоне “поймали” на нарушениях режима именно в тот день, когда я проект создания Госкомиссии обговорил уже и с премьером, и надо было идти к президенту. Впрочем, операция по отслеживанию (и фиксации) того, как Аблязов жил в зоне, готовилась, понятно, загодя, и не берусь судить – насколько ее финал (лучше сказать – начало нового этапа в судьбе Мухтара) был неожиданным для тех, кто соглашался на создание Госкомиссии. В любом случае у властей в тот момент появилась новая возможность-надежда как-то по-иному решить ситуацию с осужденными лидерами ДВК, но это требовало времени,

и ситуация опять зависла.

Аблязова этапировали в другую зону и подвергли такому прессу, что даже имеющие право посещения мест заключения депутаты (Абдильдин, Тохтасынов, Батталова, Алибаев) были полностью отрезаны не только от возможности его увидеть, но и вообще от информации. Что с Мухтаром – об этом мы ничего не знали, кроме того, что ему – плохо.

Две тюрьмы две судьбы

ЕРГАЛИЕВА: Как только посадили лидеров ДВК в разные колонии, у нас начались напряженные времена, так как, во-первых, мы все хорошо представляли, что казахстанские тюрьмы – это тот же ГУЛАГ, во-вторых – сидели-то политические противники самого Назарбаева. Мало ли как лагерные вышибалы поймут этот “нюанс”. И были правы.

После выхода Галымжана Жакиянова на колонию-поселение в Шидертах в 2004 году мы с ним почти три часа бродили по степям, и он впервые рассказал все подробности своего заключения в колонии Кушмуруна. Как его начали ломать с первого же построения – пытались посадить на корточки, что означало на языке тюремной “культуры” полную капитуляцию и собственное добровольное падение. Но он никак не садился на карачки, простите. Как из него делали изгой, запрещая заключенным с ним общаться, как совершалось несколько попыток втянуть его в групповые драки, которые часто кончаются поножовщиной, как он чуть ли не каждый день получал записки с угрозами, что сегодня ночью “жди гостей”, и потому ему приходилось спать с включенным чайником, чтобы хоть как-то защититься кипятком. И так далее. Но все это – мелочи по сравнению с тем, как на Галымжана давило сначала тюремное руководство, потом руководство КУИС, потом руководство МВД, потом руководство КНБ. Они приезжали к нему то с ультиматумами, то с просьбами, то с угрозами. Было несколько попыток провокаций: например, включали видеокамеру якобы для допроса и задавали совершенно абстрактные вопросы, чтобы добиться от Жакиянова нужных слов типа “согласен”, “помилование”, “сотрудничество” и т.д., чтобы потом все это смонтировать под раскаяние и просьбу о помиловании. Одна такая запись-фальшивка прокатилась по сволочному телеканалу КТК.

Смысл обработки сводился к тому, чтобы Жакиянов ответил на вопросы некой “анкеты”, где надо было указать: кто финансирует оппозицию, кто является партнерами ДВК за рубежом, предоставить списки активистов движения и полную на них характеристику, обозначить наиболее ответственных лиц в оставшемся руководстве движения и так далее. Словом – всех предать, а потом написать покаянное письмо на имя президента, признать свою вину по статьям обвинения, публично отказаться от своих убеждений и т.д.

Но Жакиянов никак не ломался... Была попытка его заражения туберкулезом, депутатам от оппозиции пришлось требовать от Минздрава проведения карантина и обследования заключенного Жакиянова в колонии. Те, помнится, сильно оправдывались по ТВ. Через 4 года, когда Галымжан вышел на условно-досрочное освобождение, до нас дошла информация от первого лица, что тогда в Кушмурун из Астаны пришел прямой приказ на физическое устранение Жакиянова под видом несчастного случая или в результате тюремной драки. Спасибо тому человеку, который получил этот приказ, но не выполнил его, причем осознанно. Потом ему пришлось уехать из страны.

Что касается Мухтара, то первые полгода мы слышали от Толена Тохтасынова, который на правах депутата часто его посещал в тюрьме, оптимистическую информацию – Мухтар не сдается, каждый день делает зарядку, чувствует себя бодро и уверенно. Пишет книгу. Мы радовались и хлопали в ладоши. Потом действительно поездки депутатов стали безрезультатными. Мухтара перевели в “красную зону”, свидания с ним запретили. Но его приближенные люди – В.Козлов и И.Петрушова, видимо, имели с ним связь – лично или через посредников. Нам они ничего не говорили, только однажды Козлов сказал: с Мухтаром беспредельничают – его избили до полусмерти во время этапирования, на его глазах совершили “самоубийство” через повешение какого-то бедолаги, его обкалывают наркотиками... В результате здоровье Мухтара сильно пошатнулось, ему “посадили” почки – он несколько месяцев лежал в тюремном лазарете. Ни родным, ни адвокатам, ни депутатам встречаться с ним не давали очень долгое время. Так сказал В.Козлов, другой информации у нас не было.

Такие пытки, выходит, проводились вот в это наше прекрасное время свободы, независимости, суверенитета, конституции, президента, парламента, демократии, экономического прорыва и прочей болтовни... Если Галымжана ломали политически и психологически, то Мухтара – по-гестаповски. Позже Козлов и Петрушова скажут: вы как хотите, но мы будем вытаскивать Мухтара из тюрьмы любой ценой. Такая буря пронеслась!

Время шло, неизвестность тянулась...

СВОИК: Через несколько дней после той неудачной поездки в Астану, мне позвонил Ертысбаев и передал предложение уже “с той” стороны в новом варианте. Госкомиссию по демократизации возглавят два сопредседателя: от власти Ертысбаев, от оппозиции – Своик. Что же касается аппаратной должности, то мне предлагалась место советника премьер-министра. Тасмагамбетов, дескать, сказал, что назначить оппозиционера сразу вице-премьером он не может, это в правительстве никто не поймет, нужен адаптационный период.

Я ответил Ермухану, что Госкомиссия по демократизации вместе с помилованием Аблязова и Жакиянова – это ключевое, а идея двух сопредседателей в нашем с ним исполнении мне представляется приемлемой. Короче – началась “попытка номер два”.

Приехав в Астану, опять начали, разумеется, с Тажина. У него энтузиазм вроде бы не пропал, но уже как-то не фонтанировал.

Во-первых, сразу было сказано, что вопрос помилования несколько... откладывается. Вот пусть заработает Госкомиссия, тогда можно будет к нему вернуться. Во-вторых, мой переход в советники – тоже обязателен. Просто так сопредседательствовать, находясь вне аппарата, не получится. Это и мне надежды на успех не добавило, тем не менее, посчитал нужным использовать хоть этот шанс.

Договорились, что на это раз начнем сразу с Указа президента о создании Госкомиссии. Текст тем же утром быстро набросали, и Ермухан взялся его продвигать. Причем было известно: на следующий день президент куда-то улетает и бумагу со всеми визами надо занести ему еще сегодня. Но не заладилось почти сразу – на согласовании с Минюстом. Сам министр куда-то пропал, а его зам. вроде и не возражал, но что-то там надо было переделывать, нас явно пускали по аппаратному кругу, тут уже и Ермухан (человек

настроения) поскуцнел...

Тем не менее, эту заминку к обеду как-то преодолели, и я сказал Ермухану: шансов (и времени), конечно, совсем чуть-чуть, но ты попробуй – хотя бы совесть будет чистой. Я вечером тоже уезжаю, если успеешь – позвонишь. И вот он стал периодически звонить: у того подписал, у того, все более веселым голосом. Наконец, уже часа в четыре позвонил Тажин, попросил срочно приехать, и сказал, что все – визы собраны, можно идти к президенту. И пошел сам, один, примерно через час вернулся, по виду даже непонятно, довольный или расстроенный, как-то и то, и другое сразу. Сказал (аккуратно подбирая слова), что все в порядке, президент все одобрил и даже... более того, решил Госкомиссию... усилить. Чтобы поднять ее статус. Для чего председателем пусть будет вице-премьер Мухамеджанов, а Своик у него заместителем. На что я сказал Марату Тажину, что вот в эту игру я не играю. Поскольку слишком хорошо знаю, кто такой Бауржан Мухамеджанов, а потому и хорошо представляю, какую такую демократизацию и какую политическую разрядку мы будем иметь под его началом. С чем и отбыл окончательно, на вокзал.

Оказывается – не окончательно. Еще через час позвонил Ермухан, сказал, что президент собирает срочное совещание, и чтобы я не уезжал, дождался результата. Я стал ждать (в маленькой кафешке), и уже поздним вечером он приехал – глаза у него были вот такие круглые!

Рассказал, что президент собрал всю верхушку: главу администрации и его зама (Тажина), председателей мажилиса (уже в наше время о том совещании мне рассказал и Туякбай) и сената. А также премьера и его зама – того самого Бауржана Мухамеджанова. И еще, кажется, “пропавшего” с утра Рогова. И (как шепотом рассказывал Ермухан) таким президента он никогда не видел – тот был просто в ярости. Начал с грозного допроса: как, дескать, вы все до такого додумались, что это за комиссия по демократизации, кто привлек к ней Своика, и как вы все могли завизировать такой указ?!

Все, дескать, испуганно молчали, и только Ермухан (с его слов, конечно) храбро ответил, что инициатива – его, и он считает, что правильно сделали. После чего президент, дескать, враз смягчился, сказал, что и он ничего против Своика не имеет, но вот тот должен же был опубликовать статью во “Времени”, а не опубликовал. Почему не опубликовал?! Пусть опубликует – тогда посмотрим.

Уже после совещания, рассказывал Ермухан, Тажин завел его к себе в кабинет, налил крепко коньяку себе и ему, похвалил – хорошо держался, и они выпили – такая буря пронеслась!

Ну, так вот, на этом мое собственное участие в создании Госкомиссии по демократизации и заканчивается – зато начинается совсем другая история – про ПДС. Это самое Постоянно действующее совещание по демократизации и родилось в ходе той вечерней разборки. Проект Указа тогда же переписали, превратили в распоряжение президента, и на следующий же день оно было опубликовано.

А как Мухамеджанов “рулил” потом ПДС, как на него пытались “затащить” оппозицию, что из этого получалось, как потом вся эта история перелилась в НКВД – это отдельный и длинный рассказ. Мне же показалось важным обнародовать, так сказать, предысторию той попытки демократизации режима его собственными же руками – как я ее запомнил...

Романтичные мысли о власти

ЕРГАЛИЕВА: Я вам напомню, Петр Владимирович, что идея подобной комиссии родилась еще задолго до тех событий. Был, кажется, конец 99-го – начало 2000-го, когда власть предпринимала очередную попытку протащить в парламенте Земельный кодекс, и вся казахская общественность поднялась с протестами – проводились голодовки, пикеты, возмущались на всех собраниях... И вот нас с вами, как представителей “Азамата” и НКК, пригласили на “круглый стол” в Дом Дружбы, который проводил министр информации и общественного согласия Алтынбек Сарсенбаев. Это, помню, был острый “стол”, почти враждебный. Мы все наезжали, говорили, что нельзя при такой власти принимать закон о частной собственности на землю. Что акимы все разворуют, народ пустят по миру, чуть ли не китайцы скупят весь Казахстан и так далее. Эта тема в то время была просто неразрешимой. Шумели, возмущались, угрожали... Тогда министр Сарсенбаев слушал всех очень терпеливо, как будто впечатывал в память каждое слово. И только в конце, когда все подустали говорить по третьему кругу (Алтеке был отличный стратег), он взял слово. Его спокойная взвешенная речь, тактичные аргументы против наших обвинений и сомнений, перевод проблемы сначала в историческую, а затем в экономическую плоскость, уважительные обращения к каждому, как к равному собеседнику, вызвали в моей голове романтичные мысли о цивилизованной власти и развитии общества. Мне министр тогда понравился – образованность всегда обезоруживает. И тогда в его речи промелькнула мысль, что власть нуждается в таких откровенных разговорах, она должна учитывать настроение людей, что он, как министр, будет инициировать такой диалог и дальше.

После “стола” мы с вами вышли молча – было о чем подумать. Потом стали размышлять, может ли власть в действительности пойти на диалог (тема о национальном диалоге громко озвучивалась РНПКовцами). Вы говорили, что у власти еще большой “запас прочности”, чтобы игнорировать оппозицию и не разговаривать с ней вообще. Я сокрушалась, что если это так, то они дураки – такая позиция приведет к тупику, а потом к открытой войне. Думаю, что тогда Алтеке, как министр не только информации, но и общественного согласия (именно так называлось это министерство), всерьез говорил о диалоге. Но ему, наверняка, не дали – во власти гуманитарные и толерантные мысли всегда были в меньшинстве рядом с хамской и агрессивной политикой. Которая по-прежнему торжествует там.

Часть 6

Арест, суд и тюремное заключение двух лидеров ДВК – М.Аблязова и Г.Жакиянова в 2001 – 2002 годах резко изменили ход оппозиционного движения в стране. Власть впервые обнажила политическую суть “управляемой демократии” и тем самым дала основания для широкой критики себя как в стране, так и за рубежом. Оппозиция же, напротив, сконцентрировалась вокруг судьбы осужденных ДВКовцев, увеличивая не только численный, но и качественный потенциал. Если бы дальнейшие события двигались в этом же естественном русле – политической борьбы власти и оппозиции, то сегодня степень влияния оппозиции в обществе и мире была бы гораздо выше и продуктивнее. Это хорошо понимали во власти, и потому был разработан план, известный еще с древних времен: хочешь

уничтожить организацию, возглавь ее.

Как начиналась “эпоха Кожахметова”

ЕРГАЛИЕВА: После того как закончились все апелляции по освобождению Аблязова и Жакиянова из тюрьмы, мы занялись повседневной работой по освобождению (признанных на Западе) политических заключенных. Было сделано немало – поездки за рубеж по всем ключевым политическим организациям мира, сотни публикаций в доступной прессе, различного рода “круглые столы” и конференции, а также периодические акции протеста – особенно в дни рождения лидеров ДВК, находившихся в заключении.

Вместе с тем внутри ДВК происходили метаморфозы. Сначала работал большой политсовет движения, в который входили почти все ключевые фигуры оппозиции – начиная с лидеров КПК Серикболсына Абдильдина и “Поколения” Ирины Савостиной. Но со временем такая громоздкая структура становилась неэффективной. И вот постепенно началось отсеивание. С одной стороны, это было необходимо для более мобильной и эффективной работы, а с другой – началось формирование руководства под сидящих в тюрьме лидеров. Было несколько представительств – Жакиянова (его бывшие сотрудники по акимату, друзья-депутаты), Аблязова (тоже бывшие сотрудники его холдингов) и мы – старая оппозиция, представлявшие некогда известные организации. (Скажу, что в политсовет ДВК я попросилась сама на конференции в марте 2002 года, когда началось сильное давление на движение и на его лидеров, они еще были на свободе. Я посчитала своим долгом заменить на опустевших местах знаковые фигуры, добровольно-принудительно покинувшие политсовет “Демократического выбора Казахстана”. Народ, помню, правильно оценил мой выбор и принял в политсовет ДВК под бурные аплодисменты).

Начали отсеивать из “наших”. Убрали под разными предлогами Абдильдина, Савостину, Таукину, Масанова... Помню, последнему предложили что-то обидное и Нурбулат резко порвал с ДВК – встал и ушел, я выскочила вслед за ним, уговаривала вернуться, но он сказал: я не собираюсь быть легионером. И попросил меня остаться – ради Галымжана. Хотя меня тоже записали в “резерв”, но я возмутилась и осталась в политсовете. Тогда управленцами в ДВК были Тохтасынов, Туменова, Козлов. А дальше начиналась “эпоха Кожахметова”.

Возвращение Мухтара и другие сомнения

СВОИК: Известие о том, что Мухтар Аблязов помилован, что его срочно везут (или он сам едет – здесь ясности не было) в Алматы, и по приезду он сразу проведет пресс-конференцию, пришло для нас неожиданно. Отношение к этому известию было, скажем так, смешанное. Понятно, что событие отнюдь не печальное, но и какое-то... не слишком радостное, в общем – смутное. На пресс-конференцию мы не пошли – и сами понимали, что помилованному будет не просто видеть нас при произнесении тех слов, какие ему предстояло произнести, да и нам самим дали понять – идти не стоит.

Услышали эти слова уже из теленовостей: что-то такое насчет того, что Мухтар не согласен с политикой руководства ДВК, и что сам он из политики уходит. После чего вот это ощущение смутности происходящего – только усилилось. С одной стороны – ну, полагалось сказать что-то такое, вот Мухтар и сказал, зато он – на свободе, а это самое важное. С другой стороны,

фактически отрекся, а как оно на самом деле – непонятно.

Правда, в тот же день это ощущение снялось. Карлыгаш Жакиянова передала, что вечером у Мухтара дома собирается небольшой круг родных и друзей, и там, уже за столом, атмосфера была без ощущения двойственности – все искренне радовались освобождению и говорили друг другу разные хорошие слова. И вот это впечатление – что все по-прежнему, окончательно утвердилось чуть позже, когда мы втроем (как раз с вами, Гульжан, я правильно помню?) вышли в садик, и там Мухтар добавил то, чего не говорил за столом. С одной стороны, ничего конкретного насчет своих будущих планов и своих отношений с ДВК он не сказал, с другой стороны – вполне ясно дал понять, что ничего не изменилось, и он – тот же. Как говорится, “никто не забыт, ничто не забыто”.

ЕРГАЛИЕВА: Разумеется, неожиданное освобождение Мухтара не было “неожиданным”. Мы понимали, что что-то происходит, но что именно – не знали. Когда сообщили, что Мухтар на свободе и едет в Алматы на пресс-конференцию, у меня было странное ощущение – почему все так тайно произошло и какова цена этой свободы? (Мы ведь хорошо знали цену свободы, предложенную Жакиянову). А когда мы услышали от Мухтара на пресс-конференции, что он отрекается от ДВК, своей книги и вообще от политики, мне показалось это игрой. Но в чью пользу – тоже непонятно. Вечером в доме родителей Мухтара было действительно не до этого – счастье его родных, да и наша радость были не совместимы с подобными вопросами. Но мне показалось, что Мухтар действительно отошел от политики, от нас и той жизни, из-за которой так пострадал, я это понимала – он сделал, сколько мог, имеет право уйти со спокойной душой.

При том разговоре в садике я, помню, не выдержала и задала несколько прямых вопросов: что он решил, что будет дальше... Мухтар ответил уклончиво – ничего не обещал, но и прямо не отказывался. Я осталась в недоумении, ведь в таких случаях не бывает и так, и так. Мухтар темнил. Я отнесла это к адаптационному периоду, но была уверена, что Аблязов отошел от оппозиции навсегда, а это был вечер прощаний. Тогда мне в голову не пришла бы мысль, что он будет играть на два фронта.

“Цена” вопроса в руководстве

СВОИК: Внешне освобождение Аблязова ничего не изменило в сложившемся к тому времени раскладе кадров и способов деятельности ДВК – Мухтар сразу же отбыл в неизвестном направлении, Галымжан – в Кушмурунской колонии, лидеры-основатели как были не доступны, так и остались. А поскольку как раз кадровый расклад того времени важен для дальнейшего изложения, остановимся на ключевых фигурах.

Толен Тохтасынов – председатель политсовета ДВК, унаследовал это пост после ареста Галымжана Жакиянова. Причем сам Галымжан практически не председательствовал. Дело в том, что вплоть до ареста Аблязова движение “Демократический выбор Казахстана” существовало без единоначалия – был только коллективный политсовет и все. Что для “отцов-основателей” (большой частью уже ушедших “светлым путем”) как раз было принципиально. Должность председателя (и то, заметьте, не всего движения, а только политсовета) была учреждена на экстренном заседании 28 марта, посвященном аресту Аблязова и собранным прилетевшим из Европы Жакияновым. А уже вечером на самого Галымжана началась охота, перешедшая в осаду французского посольства и его

добровольный выход под последующий арест.

Таким образом, друг и соратник Жакиянова Тохтасынов естественно занял тот пост, который был учрежден “под Галымжана” и принадлежал ему всего несколько часов.

Председателем же Толен был (скажем так) спокойным. Он встал во главе ДВК в силу обстоятельств, но не собственного устремления. Тогда как рядом был человек, как нельзя более мотивированный (это – моя оценка, и она, разумеется, субъективна) именно тем, первичным. Это – Асылбек Кожахметов, и не подумайте, что сказанное имеет по отношению к нему негативный оттенок. Наоборот, желание руководить – одна из самых общественно-полезных личностных мотиваций, если, конечно, личная потенция соответствует. А у Асылбека как раз с этой потенцией – все на высоте! Причем подкупает, что выражается это открыто: дайте должность и ресурсы – и я работу поставлю! Сам свидетелем не был, но слышал, что еще при создании РНПК Асылбек сам себя предложил на должность руководителя исполкома, но тогда не получилось, и он спокойно отошел. В этот раз тоже: сам пришел в ДВК, вошел в политсовет, но особо и не скрывал, что останется, если получит возможность реализовать свои организаторские способности. На этот счет расскажу то, чему сам был даже не свидетелем, а участником.

Уже после суда над Аблязовым, как раз когда мы все переместились в Павлодар – на следующий суд, как-то особо актуализовался вопрос о руководстве исполнительной частью ДВК. Председательская роль Толена под вопрос не ставилась, но как раз еще и поэтому было ясно – требуется сильный “орговик”. Бахыт (Бахтыла) Ниязбековна Туменова, бывший зам. Жакиянова по Павлодару, именно этим и была сильна, и ей в исполкоме заведомо отводилась ключевая позиция, но – вторая. На роль же главного орговика-распорядителя себя предложил Асылбек, мне же, как единственному входящему в “соляной барак”, где содержался Жакиянов, досталась роль переговорщика.

Асылбек мне сформулировал так: будет работать, если ему дадут: а) должность первого заместителя председателя; б) спутниковый телефон и в) машину с водителем. И тут же добавил, что если с деньгами трудно, то телефон и машину он будет оплачивать сам, но эти атрибуты должны прилагаться к должности. Я, помню, тогда немного удивился (теперь – нет) и попросил уточнить, что из этого набора для него самое главное. Например, приемлемо ли, если ему будет предложено назваться руководителем аппарата или, скажем, исполкома? Он сказал, что принципиальна – должность первого заместителя, в этом виде я и передал все Галымжану. Добавив в ответ на его вопрос о моем мнении, что надо соглашаться – как администратор Асылбек, несомненно, лучший вариант. Ну а “цена”, запрошенная им, как раз и говорит о его административных амбициях, политиков в политсовете и без того достаточно, кому-то надо и поработать.

Когда же Толен перешел “в коммунисты”, его должность уже автоматом перешла к Асылбеку Базарбаевичу. Впрочем, вот это “автоматом” имело свою подоплеку, важную для нашего рассказа.

ЕРГАЛИЕВА: Тогда мне эта возня вокруг должностей в ДВК казалась странной. Это же не госслужба, на которой чем выше должность – тем больше привилегий и возможностей “расти и богатеть”. Это же оппозиция – одна головная боль, риски и ответственность. Хотя позже я узнала, что многие в политсовете ДВК шли даже на самые невероятные поступки – безнравственные, за деньги и квартиры, которые им обещали за “правильное” голосование на

политсовете. А там – и выборы, на которые тратились большие средства...

В общем, после того как Мухтар вышел на свободу, через некоторое время колесо ДВК завертелось в строго определенном направлении и с усиленной скоростью. Я-то уже работала шеф-редактором газеты “Соз” Шарипа Куракбаева, но на самом деле – под патронатом Ирины Петрушовой. У меня работы было выше горла – маленький коллектив и большой объем, Петрушова держала нас “в черном теле”, не увеличивая штаты и зарплату редакции, и все же мы били рекорды по тиражу оппозиционных газет за счет какой-то фанатичной и самоотверженной работы. Поэтому я не бывала ежедневно в офисе ДВК, а только когда проходили ключевые события – политсоветы, съезды или другие крупные мероприятия. Но, например, борьба за лидерство в ДВК с ключами и печатями, разумеется, не прошла мимо меня.

Я была уверена, что власть в ДВК в единоличные руки отдавать нельзя – во-первых, чтобы сохранить паритет двух отсутствующих лидеров, во-вторых, чтобы создать демократическое правление в “Демократическом выборе”. Я выступала за институт сопредседателей. По числу и персонам можно было говорить. Но ситуация выкруливалась преимущественно в одну сторону – против присутствия в руководстве линии Жакиянова и тех, кто ее отстаивал.

Что касается Кожакметова, то мне хорошо запомнился один “трюк”, с которого он начал свой наполеонизм в ДВК. Помню, мы очень долго и бурно обсуждали новый устав уже партии ДВК. Нам предложили проект, согласно которому полная власть принадлежала одной должности, на которую стремился Асылбек Кожакметов. Мы, естественно, возмутились, не согласны были и другие члены политсовета из регионов. Кожакметов нас выслушал, вносил какие-то правки в проект, а на следующее утро перед самым съездом выяснилось, что почти все осталось в первоизданном виде. Нас обманули. На съезде уже многие не возмущались, с ними поработали ночью, мы же остались в меньшинстве. Далее нам станет понятно, зачем в ДВК нужна была единоличная власть – чтобы претворить тот самый древний план: хочешь уничтожить организацию, возглавь ее. (Помню, именно эти слова как-то сказал президент Назарбаев на одном совещании – еще до ДВК. Он говорил, обращаясь к своему партхозактиву: не надо бороться с деструктивными организациями, учитесь у древних – их надо просто возглавить).

Такое начало в партии “Демократический выбор Казахстана” под Кожакметовым не сулило ничего хорошего. Жакиянов – в тюрьме, его изолируют не только власти, но и свои же “соратники”, а некто хорошо управляет партией, в основном путем уговоров, промывания мозгов, подкупа членов политсовета. Мы же – Своик, Батталова, Аспандиярова и Ергалиева, становимся “отщепенцами”, нас организованно блокируют на политсоветах Козлов (против Своика и Батталовой), Туменова (против Ергалиевой и Аспандияровой) и сам Кожакметов, который как глава президиума политсовета этот сценарий расписывал и воплощал. Остальные полтора десятка “региональщики” сидят как вкопанные, прирученные... (потом многие из них приватно извинялись, как те же учителя, которые один на один оправдываются, почему они фальсифицируют выборы – мол, уволят. Самое поразительное то, что эти – так называемые лидеры оппозиционной партии в областях, говорили то же самое. Специально таких и подбирали – сирых и слабых).

И только потом этот “некто”, кто был настоящим режиссером ДВК, проявился собственной персоной. А когда наше сопротивление становилось слишком опасным и могло выплеснуться наружу, нас пригласили в Москву на “переговоры”. Приближались выборы.

Развал КПК и его герои

СВОИЖ: Я уже говорил, что какое-то время и после лишения свободы Мухтар имел возможность общаться с нами по обычной “сотке”, и вот как-то раз (во время, кажется, еще суда над ним) он вдруг стал говорить мне, что надо бы “подтянуть” к ДВК... Компартию. Ну, и какие-то резоны приводил. Разумеется, не мне одному он это говорил, и не я был главным адресатом таких соображений-указаний. Причем эта мысль в первом восприятии... странная со временем (и повторением) стала казаться все более привычной и как бы даже логичной.

Впрочем, тот звонок остался лишь разовым эпизодом, а вот это настойчивое укоренение в сознании членов политсовета необходимости либерально-коммунистического альянса, причем в исполнении предпринимателя Толена Тохтасынова, реализовалось уже после помилования Мухтара Аблязова и отъезда его из страны в... неизвестность. Причем сам Толен отнюдь не рвался в напарники Серикболсына Абдильдина и вовсе не делал секрета, что это не совсем его воля. А когда он все же решился, произошел всем известный раскол Компартии на “абдильдинскую” и “косаревскую” части.

История эта, с одной стороны, совершенно понятная, с другой – как раз не совсем понятная, если рассматривать ее только в рамках обычных понятий.

Понятно, почему Серикболсын Абдильдаевич так непререкаемо провел пленум, на котором Толен Тохтасынов далеко не единогласно был избран сразу вторым после Абдильдина человеком в партии.

Понятно и возмущение несогласных во главе с Косаревым. Все-таки это же коммунисты, для которых и идеология (“капиталиста” в руководство КПК!), и традиционные национальные балансы – не пустой звук! И вообще, члены ЦК люди многоопытные, досконально знающие местные контексты, а потому и прекрасно понимающие, с какой целью и перспективой товарищ Абдильдин так непреклонно продавливает себе в заместители земляка-семеяца.

Короче, вот это “вклинивание” Толена, приведшее к личному конфликту между Абдильдиным и Косаревым, поставило на грань раскола всю партийную организацию, это по-человечески понять (не одобрить, но понять) можно. Трудно понять другое – почему, когда раскол стал уже реальностью, обе стороны не остановились, не испугались того, что делают, а довели дело именно до появления двух партийных клонов. Будто бы помимо личной “упертости” спорщиков трещину между ними неумолимо расширяла еще какая-то сила, имеющая своей задачей именно это – обязательно освободить место Толена в ДВК, застолбив за ним резервную позицию в КПК, пусть даже и ценой разделения коммунистов надвое. Если, конечно, раскол Компартии был лишь ценой, а не одной из целей такой рокировки.

Впрочем, вопросы такого рода накапливались постепенно, по мере следующих событий вокруг ДВК, трудно объяснимых без “третьей силы”, поэтому не буду забежать вперед, а закончу тему раскола Компартии эпизодом, в котором сам был участником.

Так вот, был один такой день в Астане, который я полностью посвятил “челночной дипломатии” – ходил по депутатским кабинетам от Абдильдина к Косареву и назад (и

Тохтасынова, конечно), пытался их “помирить”. Было такое впечатление, что может получиться – Владислав Борисович явно желал компромисса, и его условия казались (мне) вполне приемлемыми: не форсировать конфликт, пусть Толен побудет какое-то время просто членом ЦК, а потом вернуться к вопросу о его секретарстве. Секе тоже, вроде бы, был не против чуть отступить, как-то договорится с Косаревым. Короче, к вечеру удалось согласовать их личную встречу, решив даже такую сложнейшую дипломатическую проблему, как и где им встречаться – ни тот, ни другой не хотели идти из своего кабинета в “гости” к товарищу по партии. Договорились о встрече на “нейтральной территории” – ресторане “Фархи” в семь часов вечера. И вот где-то за полчаса (я как раз уже был с Косаревым) звоню Абдильдину, дескать, мы выезжаем. Но он говорит, что у него какое-то срочное дело, он не может. Одним словом – “текучка” помешала.

Дистанционный смотритель

СВОИК: Как бы то ни было, а освобожденное председательское место Асылбек Кожаметов начал осваивать быстро и уверенно. Политсовет тихо-мирно (они и сами ушли, и их “ушли”) покинули Нурбулат Масанов, Ирина Савостина, Розлана Таукина – все те, кого в любом случае нельзя было “построить” и встроить в систему единоначалия. Если честно – я лично это до определенного этапа даже поддерживал. Все-таки первую половину жизни провел на производстве, и насколько важна исполнительная вертикаль – представляю.

Но дело быстро пошло, что называется, с перебором: Асылбек выстраивал организацию слишком уж под себя и для себя: все – только через него, и ни одного дела или инициативы без его санкции. Вскоре движение удалось зарегистрировать в “Народную партию “ДВК” и вот это единоначалие нашло свое полное отражение и в уставе: партию представляет исключительно председатель президиума политсовета и никто более.

Тогда это казалось понятным и даже немного забавным: человек, чьи менеджерские способности все признавали так же охотно, как не признавали в нем политика, как раз и хочет стать политиком. Поначалу хотя бы статусным: сидеть во главе президиума, лично руководить съездом, давать интервью журналистам...

И, вы знаете, получалось, и не могло не получиться. Потому что если энергичный и целеустремленный человек хочет подняться до какой-то планки – обязательно поднимется. С чем Асылбека можно только искренне поздравить.

Другое дело, что тогда его здоровое властолюбие послужило еще одной цели – цели “дистанционного управления”, для чего он подходил ну просто идеально! В самом деле, для того, кто хочет руководить организацией скрытно и имеет для этого, скажем так, все возможности, нет лучшего кадрового решения, чем иметь своим публичным двойником очень крепкого администратора, как раз крепкой публичной фигурой не являющегося.

И (забегая вперед) я вам скажу, почему все же Асылбек Кожаметов (как до этого мы с вами, Гульжан, с Зауреш и Маржан во времена НП ДВК) все же был “исторгнут” из собственной “Алга-ДВК”. Все очень просто: Асылбек на самом деле приобрел ту собственную политическую значимость, которой он так упорно добивался. И в результате утратил ценность “объекта дистанционного управления” – и ему это уже стало в тягость, и “дистанционно управляющему” – тоже.

ЕРГАЛИЕВА: Можно по-разному относиться к политике и политикам... Но это как раз такая область человеческой деятельности, когда, по-моему, человеческое должно стоять на первом месте, а деятельность – на втором. А в оппозиции – тем паче. Потому что здесь не карьерные или профессиональные устремления делают успех, а – поступки. Которые являются обратной стороной твоей внутренней силы – морали. В общем, политика – это беспощадное обнажение внутреннего содержания. И невыносимо трудно это скрыть. В Казахстане – нецивилизованном политически государстве, система каждый раз заставляет тебя “обнажаться”. Истинная совесть, честь, настоящая культура, что невозможно подделать, являются единственным, что ты можешь противопоставить в этой деятельности.

Драма ДВК в моей памяти сформировалась в чисто шекспировском жанре – страсти, вера, жертвы, преданность и предательство... Если разваливались партии и раскалывались даже самые верные соратники, значит, это кому-то было нужно...

Часть 7

Беседа журналиста Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика о судьбе знаменитого сначала движения, а потом партии “Демократический выбор Казахстана” в 2001 – 2003 годах по событиям с собственным участием – это попытка рассказать о причинах гибели столь перспективного политического объединения в Казахстане. Эти воспоминания, как было заявлено в начале разговора, не претендуют на полноту всей картины, так как в этих событиях принимали участие десятки людей, имеющих собственную трактовку им. Но суть причины, по которой ДВК было, наконец, закрыто и забыто – малоизвестный факт нашей истории, свидетелями чего были непосредственно участники этой беседы.

Сакраментальный вопрос о лидерах

СВОИК: Позднюю осень и зиму 2002 года, когда и Аблязов, и Жакиянов уже надежно были упрятаны в зоны, мы потратили на избирательную кампанию Карлыгаш Жакияновой в Павлодаре – там как раз освободился округ и проводились довыборы в мажилис. Это было первое испытание ДВК на выборах, и туда сознательно была стянута большая часть наших сил. Кампания, надо сказать, получилась удачной – мы ее реально выиграли. Даже официально Карлыгаш насчитали что-то более трети голосов, и это при том, что избирательные комиссии ну просто беспредельничали – фальсифицировали не просто массово, но нагло. Сложилось несколько удачных для нас обстоятельств: это и то, что Галымжана Жакиянова в Павлодаре реально уважали, и то, что Карлыгаш оказалась не просто супругой – носителем фамилии, но проявила и собственные политические потенции.

Ну и особенно хорош был Асылбек Кожаметов в роли начальника избирательного штаба. Рабочий день начинается с утренней планерки и заканчивается вечерне-ночным подведением итогов, действия заранее расписаны, ответственные закреплены. Завтраки-обеда-ужины для

работников штаба – прямо в офисе. Опорные пункты на участках, оперативный контроль, связь, транспорт – все налажено.

Выборы закончились прямо под Новый год, а по возвращении в Алматы основным содержанием нашей работы становится преобразование движения в “Народную партию “Демократический выбор Казахстана”. Это и масса оргработы – подготовка учредительного съезда, написание Устава и Программы.

Вот в ходе всего этого и начали проявляться “нюансы”, которые со временем и стали определяющими. Скажем, такой простой вопрос: должна ли партия иметь своего руководителя, оказался совсем не простым. Казалось бы, коль скоро Аблязов – Жакиянов, именно как лидеры ДВК, неизменно провозглашаются таковыми во всех наших заявлениях, призывах и речах, они вместе изображены на наших плакатах, листовках, то им и быть таковыми также и по уставу. А коль скоро их двое, и они – едины в выпавших на их долю испытаниях, то и партии естественно иметь двух сопредседателей.

Однако... Аблязов жив, здоров и на свободе, но он публично отрекся от ДВК, заявил об уходе из политики, уехал из страны, и мы его своим председателем объявлять не можем. Во всяком случае, не спросив его об этом, а как его спросишь, если его... нет?!

Жакиянов – тот конкретно руководить партией из заключения, конечно, не может. Но почему бы ему не быть председателем-знаменем, с его согласия, разумеется. Однако как раз насчет его согласия к нему никто не обращается. Вроде бы для его же блага – зачем дополнительно грузить человека, если ему в зоне и без того тяжело.

ЕРГАЛИЕВА: Что касается лидеров, то могу уточнить, что после помилования президентом Мухтара Аблязова и его намеренного исчезновения из идеологии движения, не упоминания его имени его же людьми в ДВК, рядовые члены по умолчанию считали Аблязова уже ушедшим (как о мертвых – или хорошо, или ничего). Глубоко в душе все понимали, что Мухтар Аблязов сдался, сделал свой выбор в личную пользу, и на этом фоне звезда Галымжана засверкала еще ярче. Жакиянов превращался в культового лидера оппозиционной партии, к его судьбе стали с уважением относиться десятки тысяч казахстанцев (я-то это точно знаю по сотням писем в поддержку Жакиянова в редакцию газеты “Соз”). А все крупные события в ДВК начинались и заканчивались бурными аплодисментами и долгим скандированием “Галымжан – Казахстан!”. Происходило невероятное единение духа, каждый, сопоставляя себя с судьбой лидера, начинался буквально термоядерным политическим запалом. Жакиянов становился Идеей. Такая фигура в оппозиционной партии – это огромный успех (простите за кощунство). И ДВК после разгрома первой волны отцов-основателей с именем Жакиянова превращалось в уже совершенно новое, реально народное, массовое оппозиционное движение. Такое я видела второй раз в жизни, в первый, когда произошел национальный подъем в 1989 году под призывом Олжаса Сулейменова против ядерного полигона.

Разумеется, личность Жакиянова-мученика не давала покоя обитателям Ак орды. Но Галымжан не ломался, хотя на него оказывалось постоянное давление все время его заключения с 2002 по 2005 годы – и в Кушмурунской колонии, и в Шидертах на колонии-поселении, и теперь – ведь скоро, в апреле, заканчивается срок его осуждения, и органы вновь роют “дела” на Жакиянова в Павлодаре. Вот насколько они испугались и до сих пор боятся его популярности.

Поэтому задачей № 1 для властей было – отобрать партию у Жакиянова, а партию лишить такого лидера. И тогда Жакиянов из политического заключенного превратился бы в заурядного уголовника, и к нему остыло бы международное внимание. Да, ради этой задачи, не жалея живота, трудились и в кабинетах Астаны, и в кабинетах ДВК (кто-то бессознательно, а некто – очень целенаправленно).

Классический вариант: Моцарт и Сальери

СВОИК: Факт, что Асылбек Кожахметов действует не совсем, скажем так, самостоятельно, и что всю власть в создаваемой партии он концентрирует у себя не только под собственные наполеоновские устремления, проявился достаточно быстро. То, что у нас есть дистанционный “центр поддержки”, откуда и идут ресурсы, и что дислоцирован он в Москве, как-то само собой стало ясно уже через несколько месяцев после отъезда Мухтара. И что в этом “центре”, скажем так, не без него – это тоже стало достаточно очевидным для большинства членов политсовета фактом. Однако на тот момент было такое впечатление, что и Галымжан Жакиянов в этом “центре дистанционного управления” был представлен в полной мере – через одного известного московского политолога, начавшего плотно работать именно с Галымжаном. Назовем его А. И., он и был поначалу нашим открытым (для ограниченного числа людей, конечно) московским контактером.

Например, еще осенью 2001-го, вскоре после посадки лидеров, мы были в Москве, и А.И. убедительно развивал мысль, что для Галымжана все складывается наилучшим образом: ему надо просто спокойно сидеть в тюрьме, заботясь только о сохранении здоровья, а естественный политический процесс все сам за него сделает.

Так вот, следующей осенью нам опять пришлось с ним встретиться – мы (группа человек пять-шесть из политсовета) прилетели в Москву, чтобы разобраться с проектами Устава и Программы партии перед готовящимся съездом. И как раз А. И. выступал у нас в роли разводящего.

Москва же потребовалась потому, что в Алматы мы уперлись в разногласия. Асылбек очень хотел называться генеральным секретарем, правда, от этого нам удалось его отговорить, но споры вокруг эксклюзивных полномочий председателя президиума политсовета (как и необходимости самого президиума) остались.

Во-вторых, сложно было с Программой – и содержательно, и с позиций все той же монополии на власть. Чтобы не поручать это мне, Асылбек создал некую группу, состав которой назвать отказался, но во главе с Батырханом Даримбетом (ныне покойным). Потеряв много времени, получили, наконец, некий текст, слабостью своей вызывающий только недоумение. С этим тоже пришлось ехать в Москву.

Ну, под председательством А.И. с какими-то разногласиями разобрались, с какими-то нет, спор вокруг партийного “бонапартизма” остался каким-то подвешенным, проект же Программы Москва взяла на себя. И вот до съезда остается все меньше и меньше, а документа все нет и нет. Наконец, накануне дня съезда получаем и... Асылбек в шоке. В целом текст (на мой взгляд) – вполне профессиональный и для Программы оппозиционной демократической партии подходящий. Но во всей своей развернутой преамбуле на удивление

радикальный. И лично по Назарбаеву, и относительно всего режима – столь подчеркнуто конфронтационный, что после таких слов впору не партию регистрировать, а в подполье уходить. Мы говорим Асылбеку: такое читать нельзя, давай садись и смягчай. И наутро он прочитал – текст тот же, но радикализм – вычищен.

Честно сказать, до сих пор не знаю, чем еще, кроме накопившегося личного чувства, выплеснутого таким фрейдистским способом, можно объяснить присланный нам тогда антипрезидентский “наезд”. Впрочем, по ходу наших воспоминаний мы как раз и подошли к цепочке тех событий, которые, разворачиваясь одно за другим, и вывели нас, наконец, на понимание общей подоплеки, их связывающей. Скрытная третья сторона и не проявившаяся до поры “третья сила” – вот что все связывало тогда, и вот из-за чего, если прямо говорить, мы и начали все эти воспоминания.

ЕРГАЛИЕВА: Мухтар Аблязов “отошел от ДВК” только для широкой общественности. На самом деле его заочное присутствие ощущалось везде – и по кадрам на руководящих постах в центре и регионах, и главное – по стратегии. Тогда был период давления на власть. Организовывались различного рода инициативы с требованием проведения то одного референдума, то другого. Проводились большие и малые акции протестов. Пресса, которую принято считать аблязовской (на его финансы), в том числе “Соз”, работала на грани фола – мы писали разгромные статьи против Назарбаева, членов его семьи и ближайшей команды (кстати, абсолютно справедливо). Власти предпринимали свои меры, чтобы загасить этот накал – судили и закрывали петрушовские газеты, кто-то поджег целую редакцию, журналистов запугивали трупами дохлых собак...

Тогда это казалось истинной борьбой – и все мы были в ней настоящими героями. Нам так казалось. Но теперь – когда многое прояснилось, стало очевидным, что это была личная война бывшего политического узника с президентом. И все мы были в этой войне лишь разменной монетой, пока обе стороны не договорились.

Этот поединок начался еще с тюрьмы, когда Мухтар написал свою разоблачительную (всех и вся во власти) книгу. За это его наказали и пересадили в “красную зону”, где он прошел традиционную процедуру по всей программе. И видимо, эта программа дала свои результаты. Разумеется, ничего подлее не бывает – издеваться морально и физически над человеком, чтобы выбить из него “признания” – подписать нужные бумаги, отречься от всех и вся, взять обязательства по сотрудничеству... А что взамен? Свобода – да. Но два политических заключенных в стране – это уже слишком для “демократической” власти Назарбаева, поэтому хоть одного из них надо было выпускать. Выбрали Мухтара. И тут каждая из сторон бросилась торговать: одна – идеей, нами, ДВК; другая – свободой, богатством, привилегиями элитной жизни...

Не каждый способен извлекать максимальную выгоду в положении проигравшего. Это великий талант. Когда умеешь использовать и веру тысяч людей, и риски для жизни и свободы своих соратников, работающих на тебя журналистов, и всех, кто ходил тогда по лезвию ножа КНБ, МВД, наемников и так далее. Но нас всех поставили на этот кон. В том числе и Жакиянова, который хоть и был связан по рукам и ногам, но представлял большую политическую угрозу для режима, так как (я уже говорила) становился серьезной культовой фигурой и его авторитет буквально умножал оппозиционную волну в стране. Теперь крайне важно было нивелировать, прервать, уничтожить этот процесс умножения. И они договорились, а мы только играли расписанные за нашей спиной роли. Поэтому в ДВК

случилось необратимое – два лидера на самом деле уже были по разные стороны “баррикад”. Один ежедневно и ежечасно выживал в колонии, не сомневаясь в своем выборе, другой – вел закулисную войну с властями, но в лучшем виде – под демократическими лозунгами и под защитой десятков тысяч ничего не ведавших членов ДВК. Все сложилось, как всегда, по классике – Моцарт и Сальери...

История одного заявления

СВОИК: Мухтара выпустили в мае, а где-то в октябре по “Хабару” и КТК вдруг прошел сюжет, что Жакиянов тоже то ли уже попросил, то ли собирается просить помилования. Показали и его самого в эковском ватнике – как он говорит что-то насчет готовности встретиться с председателем КНБ. А адвокат Ребенчук зачитывает по бумажке как бы от его имени обязательства не заниматься политикой и не финансировать партию. Что делать, как реагировать?

Связи с Галымжаном нет, посещать его могут только депутаты, но и то не его, а лишь колонию, контакт же с политзаключенным – только в присутствии начальства. Асылбек занял принципиальную позицию – не одобрять, уж коли сидит – пусть сидит, нечего идти на попятную. Но после споров решили немножко наугад (веря больше характеру Галымжана, чем тому, что увидели в теленовостях) выступить с заявлением – это провокация. А сюжет – подделка. И правильно попали, через некоторое время после визита кого-то из депутатов в Кушмурун стало известно – так и есть, провокация.

На этом все как бы и кончилось, но через несколько дней мне звонит Карлыгаш, просит срочно приехать к ней домой. Приезжаю, она в полной растерянности, показывает мне текст заявления, которое от имени Галымжана должно появиться в следующем номере ““Республики” (эта газета сменила несколько названий, и тогда, если не ошибаюсь, называлась “Ассанди Таймс”). Заявление было резко “наездное”, причем персонально против президента. Сам удивляюсь – если уж и делать политическое заявление из тюрьмы, то его надо направить на авторов провокации – на Комитет, но никак не против Назарбаева.

Но Карлыгаш убитым голосом говорит, что от нее требуют, чтобы текст был именно таким, а публикация немедленной. А надо сказать, именно в тот момент была такая удивительная возможность – созваниваться с Кушмуруном по телефону. И так совпало, что как раз под заключенного Жакиянова это “телефонное право” заработало, правда, не надолго. И вот Карлыгаш звонит, Галымжана приглашают, начинается разговор исключительно намеками. Понятно – чтобы “товарищ майор” не догадался, хотя еще больше это запутывает самих собеседников. Что там Галымжан понял, но ответ его таков: если нужно, так нужно.

Звоню Козлову: пожалуйста, подъезжай домой к Жакияновым. Приезжает, просим разъяснить смысл: почему КНБ в стороне, а Жакиянов подставляется под президента? Как мыслятся последствия: или Назарбаев, прочитав такое, раскается и сам уйдет с поста, или от сокрушительных слов Жакиянова его темница сама рухнет и свобода засияет радостно у входа? И не находит ли Владимир Иванович, что такой убийственный текст от имени Галымжана если для кого и опасен убийственно (в его-то положении!), то именно для него самого?

На это В.И. ничего не говорит, кроме того, что тем (сами знаете кому) виднее, что делать.

Значит, они знают что-то такое, чего мы не знаем, и знают, что сейчас именно такое заявление и так срочно необходимо. И еще они просили передать, что если кто-то не согласен, то они со своей стороны всякую ответственность за дальнейшую судьбу Галымжана с себя снимают.

Советую Карлыгаш попробовать позвонить еще раз, может быть, нам удастся и Галымжану лучше объяснить, и его лучше понять. Карлыгаш пробует – ее опять быстро соединяют. Но вторая попытка, хотя и длиннее, оказывается хуже первой. Положив трубку, она говорит мертвым голосом: “Он со мной простился!”. На все намеки, что на нем самом хуже всего отразится то, что “эти товарищи” от него ждут, Галымжан говорит что-то вроде того, что если суждено, то пусть так и случится, а ты, Карлыгаш, прости...

Тогда я опять апеллирую к Козлову: “Владимир Иванович, надо – так надо, но какой-то роковой неотложной срочности, надеюсь, нет, давай сделаем так: пусть заявление выйдет в следующем номере, а я тем временем съезжу в Кушмурун и у самого Галымжана все уточню...”. Категорических возражений не последовало, и я – поехал.

А здесь, кстати, тоже еще одно “счастливое” (уж и не знаешь, в кавычках или без) совпадение. Как раз незадолго до этого КНБ на уже осужденного на семь лет Жакиянова было возбуждено новое уголовное дело. Вернее – сразу четыре, но их объединили в одно. Чем они закончились, об этом и пойдет речь дальше. Но тогда у меня, как защитника, появилось право видетсья с “подследственным”, что как раз и пригодилось.

Свидание предоставили в маленькой комнатке как бы с глазу на глаз, и говорили мы шепотом друг другу на ухо – так появлялась надежда-иллюзия, что нас не расслышат. Хотя, конечно, писалось и снималось все. Впрочем, нормальный разговор, как раз с расчетом на телетрансляцию, мы тоже вели.

Галымжан мне сказал, что они с Мухтаром договорились держаться вместе до конца и доверять друг другу, как самому себе. Поэтому он так и отвечал по телефону, хотя не слишком понимал, о чем речь. Но вот этот текст – зачем и кому это надо – он понять не может. Перебрав все версии, нам пришлось остановиться на неприятной, но единственной. Если бы такое заявление вышло, все забыли бы про оплошность Комитета с постановкой “помилования”, зато заговорили бы о неадекватности самого Жакиянова.

Под конец же я сказал: “Галымжан, коль скоро здесь явно просвечивает желание перевести стрелки с КНБ на тебя самого, почему бы тогда мне встречно не выйти на Комитет – открытым текстом объясниться. Тем более что по новым уголовным делам они как раз не на тебя, а на себя “накопали”. Это – на мой страх и риск, ты просто прими это к сведению”.

И вот, едва сойдя с кустанайского поезда, я позвонил в приемную КНБ – хочу встретиться с председателем. И Дутбаев меня сразу принял...

ЕРГАЛИЕВА: Конечно, понять истинный смысл той попытки подставить Жакиянова этим заявлением (помню, там даже была заложена угроза самоубийством) тогда было очень трудно. Причину, зачем надо было делать из Жакиянова героя романа “Овод” – обреченного или съехавшего “с катушек” в тюрьме диссидента-одиночки, теперь я вижу в двух смыслах. Или этим заявлением хотели надавить на Назарбаева, чтобы народ зашумел, что Жакиянов в крайней опасности, и этим воспользоваться. Или это заявление писалось исключительно в

интересах (возможно, по проекту) властей, чтобы дискредитировать волю и авторитет знаменитого политзаключенного, мол, образ Жакиянова преувеличен. То есть и в том, и другом случае положение Жакиянова хотели использовать.

Как бы там ни было, но такой замысел действительно был далек от интересов и самого Жакиянова, и всего ДВК. А те, о которых говорил с вами Козлов, на свое, только им известное, усмотрение так и кроили политику в ДВК. Такая воля, естественно, вызывала и у нас, и у Карлыгаш не только вопросы, но и справедливое возмущение. Подобные нестыковки происходили часто – как правило, не в пользу Жакиянова и даже – опасные для него. Карлыгаш Жакиянова, которая вела упорную борьбу за мужа, в конечном счете превратилась для них в помеху и, наконец, стала объектом интриг – из нее пытались сделать “причину ссор” в партии. И вот однажды она обратилась ко мне с просьбой: поехать с ней в Москву, чтобы встретиться с А.И. (о котором вы уже здесь упоминали) и с... Мухтаром, чтобы объясниться с ними по судьбе Галымжана. Я согласилась. Помню, разговор с А.И. был ни о чем – товарищ явно уже работал не на интересы Галымжана. Что касается Мухтара, то встреча с ним была короткой и сумбурной – так все было устроено, чтобы не поговорить всерьез. Только помню, как Мухтар в конечном счете назвал Карлыгаш а-ля Сара Алпысовна (что это ее главная цель – стать “первой леди”). Я была в шоке от такой бесчувственности...

Карлыгаш волей-неволей своим справедливым участием в судьбе Галымжана действительно мешала планам по отбиранию партии у Жакиянова и попыткой превратить его морально в “лагерную пыль”, как говорил сам Галымжан в своем последнем слове на суде, обращаясь к президенту Назарбаеву. Но рядовые члены ДВК искренне любили Жакиянова и уважали Карлыгаш. Ее не удалось оттеснить на задворки событий, поэтому на съезде и прозвучала та бесцеремонная фраза В.Козлова под стать его натуры “вышибалы”: “В нашей партии нет должности “жена лидера”, что в переводе означало – долой Карлыгаш Жакиянову! Потом прозвучит главное – долой Жакиянова, правда не так прямо, а извилистым, предательским путем (в частности, как я уже рассказывала вначале, через интервью-отречение в газете “Республика” некоего активиста ДВК, когда Жакиянов выйдет, наконец, на условную свободу через четыре страшных года заключения)...

Часть 8

Беседа Гульжан Ергалиевой и Петра Своика записывается в режиме свободного хода мыслей – воспоминаний. И только собеседники сами, в зависимости от той или иной темы в разговоре, определяют последовательность сюжета. Напомним, что до этого в основном шел разговор о том, как и почему была закрыта партия НП ДВК, кто были главными героями тех событий, повлиявших не только на судьбу этого популярного политического объединения, но и на другие важные политические события того времени.

КНБ и ДВК – одна общая цель

СВОИК: В кабинете Дутбаева кроме него самого был еще один человек. Ему еще будет место в нашем рассказе, но поскольку он еще действующий, назовем его просто В.З. Разговор был долгим – я пробыл в Комитете чуть не весь день. Через пару часов после начала беседы Дутбаев подключил к разговору своего заместителя Божко, потом он попросил меня отдельно поговорить с ним в его кабинете, и далее мы обстоятельно потолковали уже с В.З. Наконец, провели финальный разговор опять в кабинете председателя.

Ну, а начинали “кругами”. Тон задал хозяин кабинета – доброжелательно эдак сказал, что вот, Петр Владимирович, как вы там в оппозиции не хорохоритесь, а сила на нашей стороне, мы никому зла не желаем, да и против демократизации ничего не имеем, но и раскачивать власть не позволим. Если с нами по-хорошему, то и мы – также. Жакиянов же сам виноват, чего он добился своим упорством, только новых уголовных дел. Семь лет – это много, но пусть не думает, что они для него закончатся, сколько надо будет его держать, столько и будет сидеть.

Это, конечно, не дословный пересказ, а то, что осталось в памяти – по смыслу. И еще запомнились два таких начальных разговорных эпизода. Нартай Нуртаевич с человеческим таким участием сказал, что Жакиянова в колонии мучают им же самим выдуманные угрозы. Вот, например, есть у них видео, как он во время обеда вдруг спрятался под стол – покушение ему померещилось. И тут же дал понять, что не только руководство КНБ просматривает такие сюжеты, повыше тоже интересуются, посмеиваются, конечно, добродушно, но и сочувствуют надуманным страхам и расшатанным нервам.

А еще председатель с подкупающей откровенностью (подкрепленной суровым уже выражением на лице) сказал, что, конечно, у Комитета есть и другие направления, на которые им приходится отвлекаться (терроризм, наркотики и прочее), но вот что касается расследования деятельности акима Жакиянова, то, поверьте, именно на это брошены сейчас все лучшие следственные кадры. Дескать, для первого осуждения дело готовилось в спешке, да и занимались всего лишь полицейские, зато теперь (если Жакиянов своим упорством доведет дело до суда) все увидят, какой он мошенник, а не политик!

Как раз на этом месте и у меня появилась возможность вставить в разговор контрлинию касательно того, что новый суд и нам тоже желателен. И не только как новый оживляющий политический момент, но и именно в силу тех материалов, которые следователи КНБ уже “нарыли” на Галымжана.

Здесь собеседники живо заинтересовались, что такого хорошего для себя мы нашли в новых обвинениях, и выразили готовность внимательно выслушать все мои доводы на этот счет. Что я и сделал – по всем четырем вмененным эпизодам.

ЕРГАЛИЕВА: Пока ситуация с Галымжаном в тюрьме рассматривалась руководством КНБ через призму государственной (понятно – чьей) безопасности, в самом ДВК происходило, по сути, то же самое. Власть сначала в движении, а потом в одноименной партии прочно перешла в руки группировки Аблязова – А. Кожахметова, В. Козлова и перебежавшей от Жакиянова Б. Туменовой. Здесь, конечно, не говорили так откровенно, как в КНБ, что Жакиянов будет сидеть столько, сколько понадобится, но идеология – ДВК без Жакиянова – внедрялась весьма красноречиво. Во-первых, наши бесконечные попытки на политсоветах и съездах добиться законного (руководящую должность в партии) места ее лидеру заканчивались массовым саботажем. Одни с пеной у рта доказывали, что участие Жакиянова

в роли председателя политсовета – это смерть организации, на самом деле – конец “кормилице” (чего стоил оклад той же Туменовой в 5 тысяч долларов в месяц, которые, кстати, она долгое время получала из жакияновских источников). Другие тупо молчали, делая вид, что не понимают, как важно для безопасности Галымжана его участие в политической деятельности в роли лидера партии. Третьи устраивали элементарную свару – то ли по собственному “недогону”, то ли играли расписанную роль “мнения народа”. Но факт, что у Жакиянова партию отбирали сами же партийцы, был очевидным и позорным. Теперь я предполагаю, что Мухтар пытался сохранить ДВК, но... для себя и без Жакиянова. В этом цели КНБ и ДВК счастливым образом совпадали (видимо, этот пункт тоже был в условиях помилования Аблязова. Я эти условия понимаю так – совершить политическое убийство Жакиянова).

Но под финал нам – небольшой группе, все-таки удалось переломить ситуацию и убедить съезд избрать Жакиянова председателем политсовета НП ДВК. Но это, как известно, закончилось закрытием партии властями опять же по собственной подставе – группа Аблязова потом обнародует на съезде гибельный текст Заявления с элементами экстремизма, против которого накануне мы выступали категорически против, и даст повод властям прекратить официально деятельность ДВК. Я не исключаю, что этот сценарий (по закрытию партии) пришел из того же кабинета, в котором вы беседовали с Дутбаевым.

История несостоявшегося помилования

СВОИК: Так вот, получив (благодаря открытию новых дел) доступ к Галымжану, я пробыл у него два дня, по несколько часов. Возможности обсудить не только суть новых обвинений, но и странную историю с требованием публикации его заявления в “Ассанди...” и другое – были.

В том числе Галымжан рассказал и о том, как провел этот первый год в заключении. Сразу оговорюсь: тогда он сказал не все (от “прослушки” никакой шепот не защищал). Подробности же были добавлены уже в Шидертах, в колонии-поселении, когда можно было говорить без соглядатаев. Ну а то, что ниже, скажу про начальника КУИС, Жакиянов услышал уже после выхода, когда побывал в Москве и встретил там Посмакова, потом уже пересказал мне. Я же, как понял и запомнил все фрагменты рассказов Галымжана, так сейчас и передаю.

Так вот, Посмаков до того работал в Семипалатинске, Галымжана хорошо знал, а встретив его в Москве, рассказал, что на него, как на начальника КУИС, КНБ давил конкретно – чтобы он организовал физическое устранение Жакиянова. Именно поэтому ему пришлось оставить должность и срочно уехать из Казахстана. Галымжану же удалось передать только, чтобы был осторожен, “казак” на него получен.

Впрочем, все это стало нагнетаться к лету, а до этого (до помилования Аблязова) Жакиянова особо не трогали – пару раз намекнули, что ждут от него раскаяния, но особо не напирали. Летом же руководство колонии дало ему знать, что от участия в его судьбе оно фактически отстранено, его “ведут” постоянно присутствующие там “комитетчики”.

Поселили Жакиянова в “проходном” бараке – туда размещались прибывающие по этапам, пока их не распределяли по постоянным местам, контингент все время менялся, практически

все – юнцы. Постоянно находясь среди массы эков, Жакиянов был изолирован – не то чтобы заговорить с ним, а даже поздороваться строго наказывалось – все это знали, и он это знал. Знал он и то, что по этапу прислали и того, кто должен был стать “исполнителем”. Не “вор в законе” (уголовные авторитеты как раз на такое не шли), а просто отморозок, осужденный за убийство, в обмен на снисхождение. В общем, дело дошло уже до конкретики: Галымжан достаточно определенно знал уже и тех троих, кто должен был его “кончить”, и даже ночь, когда это запланировано.

Он обратился к руководству колонии, а в ответ услышал, что единственное место, где ему может быть обеспечена физическая безопасность – карцер. И он сам пошел туда – на целый месяц.

Тем временем вопрос, что ему надо бы просить помилования, как говорится, созрел со всех сторон. Депутат Абдильдин, посещая Кушмурун, говорил ему: ты только напиши заявление, а дальше – уже наше дело, пусть попробуют не отпустить, Аблязова, вон, отпустили. Ирина Алексеевна тоже написала ему письмо: Галымжан, дорогой, тебе надо обязательно выходить...

Короче, прямо в карцере Жакиянов написал заявление на имя президента. Ни слов раскаяния, ни клятв в любви и преданности – перечислил только, кем работал и попросил применить к нему акт помилования. Передал через охрану начальнику колонии, тот сам пришел – надо бы, говорит, кое-что добавить. Что? Ну, не мне вас учить, вы сами знаете что.

– Там все сказано, добавлять нечего.

– Все-таки вы подумайте хотя бы до утра – вот вам назад заявление.

– Хорошо, говорит Галымжан, до утра, но ничего добавлять не буду.

А утром... никто не берет у него заявление. Начальство – не появляется, а охрана твердит – не положено... Только через несколько дней Галымжан как-то смог вручить его ДПН (кто не знает эту аббревиатуру – дай вам Бог и не знать никогда) на регистрацию, того потом чуть с работы не уволили.

ЕРГАЛИЕВА: Я тоже писала Галымжану (какими только способами не переправлялись письма в колонию, даже запекали в хлеб наши маленькие послания мелким почерком), чтобы он соглашался на подачу просьбы о помиловании. Тогда мы жили в постоянном страхе за его жизнь и здоровье – и не зря, слухи о том, что Жакиянова вот-вот в колонии “кончат”, не прекращались. Ведь из той колонии каждый месяц кто-нибудь да освобождался. Это были времена очень тяжелые психологически, ведь Галымжан фактически один сидел за всех нас – если рассуждать по-дутбаевски. Я писала Галымжану, но знала, что он не повторит Мухтара – ни по духу, ни по содержанию. Я писала ему, что помилование – это юридически установленная норма в мире, что по ней никто не обязан клясться в верности и брать на себя стукаческие обязательства. Вот такую бумагу – строго по форме – и надо написать. По закону, так по закону...

И еще, мы надеялись на здравый смысл обеих сторон – такая напряженность обязательно привела бы к трагедии. Лично я считала, что президент тоже ждет этой формальности – прошение о помиловании, чтобы снять, наконец, груз с себя, ведь критика международного

сообщества за политзаключенных не прекращалась. Однако, как показала реальность, здравый смысл в Казахстане понимается каждым по-своему...

Друг и соратник по общему делу

СВОИК: Коль скоро “правильного” заявления не получается, в колонию приезжает зампред КНБ Карбузов, к нему приводят Жакиянова, и Галымжан для начала спрашивает: а, собственно, в каком качестве тот с ним разговаривает? Тогда и всплывает тема новых уголовных дел – вот, пожалуйста, поинтересуйтесь – масса материалов на вас. И показывает на несколько коробок из-под ксерокса – в таком виде привезли.

– Не буду интересоваться.

– Неужели не интересно?

– Решили возбуждать, предъявляйте обвинение, назначайте следователей, с ними и буду разговаривать.

Тогда Карбузов говорит, что прибыл обсудить и другую тему – о помиловании. И в этой связи спрашивает, готов ли Галымжан встретиться по этому вопросу с председателем КНБ? Галымжан говорит, что готов (Дутбаев появился на другой же день, видимо, не очень далеко был). Каковы же условия?

И тут к разговору подключается третий участник – адвокат (по Павлодарскому еще суду) Елена Ребенчук. Вообще-то, новое дело еще не возбуждено, и ей присутствовать как бы не положено, но если начальство не против... К тому же с Карбузовым они сокурсники. И вот она по бумажке зачитывает Галымжану возможные условия помилования: отказ от политической деятельности, обязательство не финансировать ДВК – как раз то, что потом вошло в телесюжет. Потом объяснила, что хотела ему помочь. Наверное, так оно и было.

Впрочем, смонтированная из фрагментов такой “скрытой съемки” новость по “Хабару” и КТК прошла не сразу, а лишь по бесплодному завершению всех тех переговоров, которые продолжились встречей с Дутбаевым.

Разговор с председателем КНБ, начавшись как раз с уже зачитанных Ребенчук условий, продолжился прочими деталями “сотрудничества”. При этом Галымжан, как он рассказывает, сам его поддерживал – ему даже познавательно было интересно, как КНБ закрепляет за собой “подопечных”. В общем-то, никакого эсклюзива, все по классическим канонам: надо было написать и наговорить под запись соответствующие слова раскаяния в адрес президента, поклясться в дальнейшей верности, написать соответствующие обязательства и перед КНБ, дать характеристики (понятно какие) соратникам по ДВК, указать, через кого и как идет финансирование...

Да, и еще важный, рассказанный Галымжаном, момент: к нему в зону для пушего убеждения привезли... Аблязова.

Конвой вывел его в промзону, отошел, с Мухтаром был офицер, тот тоже дал им возможность поговорить. А разговор был о том, что надо выходить любой ценой, все

остальное – потом, вот он, Мухтар, вышел, и видишь, все в порядке...

Но в завершении Жакиянов сказал Дутбаеву, что на такие условия он не согласен. Чем, прямо скажем, поставил и руководство КНБ в весьма неловкое положение. Они ведь тоже рисковали – вели неформальные переговоры с осужденным политиком вне рамок уголовного процесса и установленных процедур, а в результате – пусто.

Вот тогда, как некая подстраховка-компенсация, и вышла та покаянная “теленость”. А после ее опровержения с нашей (ДВК) стороны и родилась, по всей видимости, идея новой “ответки” – резкое антиназарбаевское заявление от имени Жакиянова в “Ассанди Таймс”.

ЕРГАЛИЕВА: В прошлый раз я уже говорила о том, что разговаривала в Москве с Мухтаром (неоднократно) и по Галымжану, и по другим персонам, по которым наши с ним взгляды не совпадали. В целом, надо отметить, что Аблязов после заключения заметно изменился – стал жестче и циничней. Но это я не отношу к его девальвации – он задолго до ДВК сложился как серьезная личность. Просто он изменил свою жизненную тактику, я думаю. У него был собственный план – грандиозный. Он стал откровенно не деликатно относиться к людям и давать им характеристики, как клички. Например, он говорил – ну и что, что его люди его же обворовывают в ДВК, он прекрасно знает “цену каждому”, но зато может соответственно к ним относиться (как к неуважаемым им наемникам, так я поняла). Он с упрямством говорил, что никому не верит, и вообще, человеческие отношения – это исключительно семейная сфера. Остальное – только партнерство, в котором каждый преследует собственную выгоду.

Он говорил о бывших соратниках по ДВК, ушедших в “Ак жол”, как о “предателях, которых не прощу никогда”.

Он не простил Назарбаева за 2001 и 2002 годы, говорил, что дальше случился вынужденный и временный союз (помилование).

Он говорил, что пусть Галымжан сидит в тюрьме, это ухудшает положение Назарбаева, значит, помогает общему делу. “Мы из Галымжана сделаем Нельсона Манделу, отсидит лет 10, выйдет – станет президентом”, – его точная фраза. Да, вот так запросто – “пусть сидит” – селекционировал Аблязов.

Мы же – остальные, были просто пешками в его большой игре – и с властью, и с оппозицией. Он не верил настоящим политическим принципам, когда за идею идут на костер, народную массу считал массовой, его люди в ДВК элементарно манипулировали сознанием активистов, ловко подставляя святые лозунги. Словом, все были “инструментом” (знаю, как Мухтар отзывался обо мне за моей спиной – думаю, это скоро где-то проявится по накатанному методу газеты “Республика”). Чувствовалось, что тюрьма сделала из него крайне прагматичного, жесткого человека, одержимого и мстью, и жгучим желанием отыграть в десятикратном объеме все – и задетую честь, и потерянные капиталы, и место в элите... В общем, граф Монте-Кристо. И многие в руководстве ДВК искренне разделяли эту философию, незаметно для себя скатываясь от политической борьбы (за принципы и идеи) к личной войне и сведению счетов политическими снарядами. Кстати, замечу, что этой болезнью в оппозиции страдает немало людей – не отличающих принципы от комплексов. Но они этого не знают, потому что просто не политики.

Что касается председателя КНБ Нартая Дутбаева, то очень скоро мы узнаем от самого

Мухтара, что он, оказывается, является чуть ли не лучшим партнером Аблязова. И по бизнесу, и по политике...

Раз попытка, два попытка, три попытка...

СВОИК: Ну вот, теперь можно вернуться в кабинет председателя КНБ.

Первый эпизод нового уголовного дела против Галымжана, начал я, касается использования средств внебюджетного фонда. Насчет законности самих фондов – можно поспорить, они тогда имелись во всех областях, решение Минфина о переводе средств из них в бюджет вышло позже. В любом случае деньги, о которых идет речь, пошли на строительство храма и мечети (заметьте, лучших по республике Храма и Мечети!). И если вы собираетесь судить акима Жакиянова еще и за это, мы – только за!

Второй эпизод – нарушения при проведении тендеров по закупке обмундирования и техники для... полиции. Да, объявления в газетах вышли менее чем за месяц, да – в тендере участвовали две, а не три пошивочные фабрики (больше в Казахстане нет). Это нарушения, но не преступление. Тем более что проводил тендер вовсе не аким, а начальник департамента финансов (ныне действующий сенатор, прошу заметить).

Третий эпизод – тут Комитет действительно выявил серьезное дело на пять миллионов долларов. Этих денег лишился Народный банк (тогда, заметьте, еще государственный!). Акимат, правда, здесь ни при чем, он всего лишь (опять же – не аким) подписал соглашение о зачете долгов бюджету по кредиту “Народного” и “Аксесс Индастрис”. Нет, конечно, если Карим Масимов сам признается, что он не по забывчивости не востребовал от той ТООшки, которой доверил продать отгруженный “Аксессом” уголь, пять “лимонов”, а заранее рассчитал всю комбинацию, да еще и включил в нее зачем-то акима, – тогда вместе с ним в суд можно вести и Жакиянова.

Четвертый эпизод – тоже замечательный. Дело возбуждено по заявлению некоего анонима, пожаловавшегося, что при переезде в Павлодар аким вынудил его продать ему квартиру, обещая неприятности в случае отказа и продвижение по службе при согласии.

Хозяин квартиры, конечно, зашифровался, да только вот у кого квартира куплена – не тайна. Она куплена у заместителя руководителя департамента... нет не финансов, и даже не культуры, а ... Комитета национальной безопасности. Осталось на суде поинтересоваться у жалобщика, с чего он взял, что аким области способен влиять на его службу, и почему он не обратился за советом и защитой к непосредственному своему руководителю. Которым в Павлодаре на тот момент был Н.Дутбаев.

Здесь слушатель Дутбаев меня перебил, дескать, не судите только по постановлению о возбуждении уголовного дела, внутри есть такие факты, от которых вам не отбиться. Может быть, согласился я. Но согласитесь и вы, что сути того, что уже предъявлено, никакие подробности не изменят. Мне же, как защитнику, и этого вполне хватит и всерьез, и для смеха.

Здесь разговор перешел на то, что Комитет и сам за немедленное освобождение, но не может же председатель идти к главе государства с докладом, что помиловать надо потому, что... ничего не нашли. Поэтому предлагается формулировка “частичное признание”. То есть,

Жакиянов соглашается признать что-то из предъявленного, о чем договоримся, после чего в суд дело не передается, и готовится акт помилования.

Оговорив, что полномочий от Галымжана у меня нет, но что мне это кажется приемлемым (тогда – казалось), мы договорились, что отправимся в Кушмурун вдвоем с В.З. – решать на месте...

Эпопея наша проходила долго, месяца два, если не больше. Съездить в Кушмурун пришлось даже два раза, но в результате так и не договорились. Вначале переговоры шли пусть трудно и долго, но все же продвигались. То, в чем Жакиянов должен был “частично признаться”, худо-бедно согласовали, но вот касательно финальной процедуры – тут Галымжан, что называется, уперся. Выдвинутая им последовательность: сначала – завизированный Указ, “частичное признание” для Комитета – было заведомо неприемлемым. И вообще, чем дальше продвигались наши переговоры, тем менее уступчивым был как раз Жакиянов, а его условие означало, что договариваться он не хочет.

В.З. в результате был сильно раздосадован, и мне даже сетовал, дескать, ну как с таким договариваться? Я, честно сказать, тоже был расстроен – столько времени и усилий приложено и – безрезультатно. И до последнего пытался Галымжана убедить, что выходить надо. Подумаешь, “частичное признание”, все ведь понимают, в каких условиях оно было сделано.

Так думал тогда, не зная еще таких “подробностей”, как разговор Жакиянова с Дутбаевым и визит к нему Аблязова. Теперь же понимаю, что Галымжан поступил единственно верно, и вся затея с переговорами была напрасной. Требуемое от него “частичное признание” по уголовным делам, это, конечно, не страшно, но без того, чтобы не повязать его другими “признаниями” перед КНБ (и понятно еще перед кем), его все равно бы не выпустили.

Часть 9

Журналист Гульжан Ергалиева и политик Петр Своик в своей беседе о судьбе некогда известного “Демократического выбора Казахстана” рассказали о некоторых знаменательных событиях, о роли отдельных политических и государственных деятелей, повлиявших на исход популярного ДВК. Собеседники ведут разговор в жанре свободного обмена мнениями, представляя эпизоды и сохранившиеся в памяти впечатления и ощущения от пережитого, как участники и свидетели тех событий.

История о фальшивой газете и известные тайны

СВОИК: Вскоре после безрезультатного окончания переговоров с Комитетом на предмет помилования Жакиянова вышел знаменитый фальшивый номер “Ассанди Таймс”. И такая

хронологическая последовательность, по всей видимости, была не случайна.

В тот день у нас как раз был какой-то “круглый стол”, на него и принесли, как положено, свежий выпуск “Ассанди” (нынешней “Республики”), и по залу пошел гулкий шепоток – странный какой-то номер. Именно в этот момент мне на мобильный позвонили, голос представился: это говорит Дутбаев, и сразу спросил, что у нас там за история с газетой, и как я думаю – настоящий ли это номер. Я ответил, что да, народ удивляется, но я сам еще не смотрел, и ничего сказать не могу. Тогда он попросил перезвонить, когда прояснится, что я и сделал – минут через тридцать. Сказал, что хотя бы потому, что там стоит моя статья, которую я не писал, номер, конечно, фальшивый. Да и ключевой материал – большая статья Жакиянова, тоже не им написана. Авторский стиль умело скопирован, но содержание – провокация. А вот сама газета удивительно похожа на оригинал.

Он спросил, как я думаю, кто бы мог изготовить эту подделку. Я ответил, что если вопрос подразумевает, что это – не КНБ, тогда – не знаю. На чем и разошлись.

До сих пор не вполне представляю себе – что это было. Вообще, попытки спецслужб выпускать поддельные оппозиционные газеты имели свою предысторию. Так, Юрий Мизинов как-то с удивлением показал мне фальшивый “Фаренгейт”, появившийся года через два после прекращения издания настоящего. Потом целых три выпуска этой “спецгазеты” распространялись (прямо через почтальонов) по моему избирательному участку на маслихатовских выборах. В них я представлялся эдаким русским шовинистом и казахоненавистником, но, надо сказать, достаточно умело, почти без перебора.

Добрые люди рассказали, кто этим занимается, указали и типографию, и даже конкретный компьютер, на котором готовился очередной выпуск “Фаренгейта”. Комитет напрямую этим не занимался – дело организовывал некий деятель, курировавший по акиматовской должности городских предпринимателей. Политтехнологов же, занимавшихся изготовлением поддельных авторских материалов, завезли, дескать, с Украины по линии Гражданской партии. Насколько это правда – утверждать не берусь, так мне рассказывали знающие люди.

Фальшивый “Ассанди” содержал много материалов, и большая их часть как раз и показалась мне достаточно устаревшей. Но, конечно, ключевым в том номере был совершенно капитулянтский такой материал Жакиянова, ради чего, похоже, все и было предпринято.

Кому все это было нужно – не хочу утверждать прямо, не имея доказательств. Не иначе как придется подождать, когда кто-то из участников того проекта сам расскажет.

ЕРГАЛИЕВА: Я тоже оказалась “героиней” того номера. На второй полосе была размещена якобы моя статья с подлинной фотографией. Не помню, как точно та статья называлась, но и заголовок, и содержание были написаны в духе русских народовольцев – долой царя, все на баррикады! Компиляторы пытались создать мне образ непримиримой, фанатичной и почти сумасшедшей большевички. Он как бы вписывался в общий контекст оппозиции, но явно был негативный, пугающий – то ли, чтобы отпугнуть народ от меня, то ли, чтобы дать повод для принудительной беседы “по душам” в известном месте. Надо сказать, что весь фальшивый номер “Ассанди Таймс” был как раз пронизан этой отталкивающей тональностью, начиная, конечно, с “письма Жакиянова”. Открытое письмо якобы Жакиянова с его большим портретом на первой полосе было настолько ужасным, что волосы вставали дыбом – он там всех подряд сдает, давая уничтожающие характеристики, ноет и ноет про свои разочарования

в каждом и во всех – соратниках... И якобы обо всем сожалеет. Прочитав такое, можно было сразу и навсегда разочароваться в самом Жакиянове.

Вы говорите, Петр Владимирович, что не беретесь утверждать прямо, кому это было нужно. Я тоже не берусь утверждать, но поразмышлять хочу. В том письме якобы Жакиянова приводится такая любопытная деталь, касающаяся лично меня. Жакиянов как бы говорит обо мне, что эта вообще чуть ли не бишара, которая не знает, как себя дорожке продать: мол, Гульжан предлагала свои услуги Мухтару Аблязову через его супругу, и хорошо, что он их не принял. И я все поняла. Была такая история.

Когда арестовали Мухтара Аблязова, а нам об этом вечером сообщила Бахтылы Туменова, я, кажется, на следующий день – уже по привычке “кадрового оппозиционера” – сразу подумала о том, что надо быстро мобилизоваться на какие-то действия. Тогда мы не были хорошо знакомы ни с Козловым, ни с Кетебаевым, ни с Петрушовой, чтобы к ним обратиться. Я почему-то решила поговорить с женой Мухтара – Алмой. Ведь Мухтара я знала еще с начала 90-х, когда он был начинающим бизнесменом, а я их – отечественный бизнес, “проталкивала” на всесоюзный экран ОРТ в программах телекомпании “Мир”. Так вот, не помню, как нашла ее телефон, но позвонила ей и пригласила на встречу. Мы встречались днем в обширном скверике Кунаева, на скамейке, а вокруг никого не было, в отдалении от нас гуляла пожилая женщина с маленьким ребенком. То есть я хочу сказать, что вероятность записи нашего разговора спецслужбами была минимальной. Мне почему-то казалось, что люди Аблязова еще совсем неопытные в оппозиционных движениях, в смысле технологиях. И я говорила Алме, что надо сейчас же продумать будущую работу по политической и публичной защите Мухтара – что и как делать. Да, в каком-то смысле я предлагала свои услуги, вплоть до личной голодовки за Мухтара. Алма меня плохо понимала, так как была, оказывается, очень далека от дел Мухтара. Но обещала передать мой разговор “людям Мухтара”. Поэтому, я думаю, эти самые “люди Мухтара” и подбросили фактаж в фальшивое письмо Жакиянова про меня в фальшивом номере “Ассанди Таймс”. А был ли он (номер) вообще “фальшивым”? – спрашиваю я себя.

Ну и дальнейшая жизнь показала, как эта вечно переименовываемая газета верно следует своей редакционной политике – вести информационную войну и с нашими, и с вашими, либо создавать “пургу” в интересах одной личности – Мухтара Аблязова. Будь-то бизнес-интересы или политические интриги – и против власти, и против оппозиции. Особенное пристрастие это издание проявляет к тем политикам от оппозиции, которые выходят на лидирующие позиции. Тогда их обязательно “замочат”, например, подозрениями в тайных связях с Ак ордой. А их противников начинают поднимать до небес. То есть сталкивают лбами. В общем, детский лепет. Но вот клевету из простого чувства зависти прощать нельзя. Другой конкуренции, кроме профессиональной, я им не составляю. И вот газета “Республика” пишет, что я, оказывается, встречаюсь с главой администрации президента Мусиным и беру у него заказ на Тасмагамбетова. А еще была попытка в публикациях настроить против нашей газеты чеченский криминалитет. Спрашивается – зачем? Чтобы меня завалили – те или другие?

Меня только удивляет – при чем тут Нурлан Смагулов, глава холдинга “Астана Групп” – близкий друг и соратник по бизнесу Мухтара, который постоянно попадает под жесткий обстрел этой газеты? Для отвода глаз, что ли? “Бей своих, чтоб чужие боялись” – так, наверное.

Беседы наедине и шоковая терапия

СВОИК: Тем временем подошла пора парламентских выборов, и все события у нас в ДВК завернулись не просто вокруг подготовки к избирательной кампании, а вокруг такой идеи, как блокирование с... Компартией. Когда Асылбек первый раз огласил такое, всерьез мы не восприняли – мало ли какие экзотические варианты можно перебирать для начала. Но очень скоро стало ясно: задумка идет не от него, и это даже не рабочий вариант, а то, что нам предлагается принять без возражений.

Пришлось сопротивляться уже всерьез. Тем более что тогда казалось, что “московский центр” просто чего-то недопонимает, стоит убедительно разъяснить, и эта странная комбинация отпадет.

Я, помнится, написал развернутую такую записку – с общим анализом предвыборной ситуации и возможными вариантами, которых насчитал несколько. Оптимальным назвал вариант блокирования с “Ак жолом”, причем подчеркнул, что хотя опасения, что они сами не захотят идти с нами одним списком – реальны, мы в любом случае должны сделать им такое предложение и добиваться этого самым серьезным образом.

Если же блок со “светлыми” не получится, идти самостоятельно, и тоже перебрал несколько комбинаций – касательно того, кого включать в список, а кому выставляться по одномандатным округам. Специально подчеркнул, что фамилия лидера ДВК Жакиянова (Аблязов-то отсутствовал!) должна прозвучать в списке – хотя бы в исполнении Карлыгаш. Пусть даже это и связано с риском отказа в регистрации.

В заключение же упомянул и блок с КПК – уж коли такая задача нам навязывалась. Отдал записку Кожахметову – давайте обсуждать на политсовете, чего секретничать, вот они – все варианты с плюсами и минусами. Но вместо обсуждения случилось... приглашение в Москву на встречу с Мухтаром Аблязовым. И эта встреча, надо сказать, была этапной.

Ведь как оно было до того? До того все контакты ДВК с “московским центром” осуществлял исключительно Асылбек Кожахметов. Мы же просто знали о его существовании, знали об А.И. – “человеке Жакиянова”, вполне ясно догадывались о том, что там не без “исчезнувшего” Мухтара Аблязова, но кто там реально верховодит – точно не знали.

Правда, чуть раньше, когда отношения наши в политсовете достаточно накалились, “вызова в Москву” удостоилась Зауреш Батталова – как раз для объяснения именно с Мухтаром, прилетела расстроенная, вроде бы поговорили, но неудовлетворенность осталась.

И вот полетели кроме Асылбека три “новичка” – опять Зауреш, и мы с вами, Гульжан. Первоначальная встреча состоялась в огромном, только что построенном и элитно-навороченном таком торговом центре (“Крокус”, кажется). Не в самом центре Москвы, конечно, но и не очень далеко от него, тогда мы получили первое впечатление от масштабов московского бизнеса Мухтара – застраивалась просто гигантская площадь, сколько глаз мог охватить.

Аблязов встречался поодиночке, каждого до этого “инструктировала” Петрушова, моя очередь была последней. Мухтар начал с откровенного признания, что открывать свое

инкогнито именно для меня он очень не хотел, в силу прошлых моих контактов с администрацией, но уж коли приходится – он очень надеется, что тайну его участия в деятельности ДВК я сохраню. Я дал ему такое слово, и полагаю, что его не нарушил. Да, вот сейчас рассказываю, но, во-первых, вряд ли эти откровения что-то могут добавить-убавить к его нынешнему положению, а во-вторых, последующие наши контакты дают мне основания говорить, что и тот режим секретности был... как бы это сказать, не для всех. Забегу на несколько месяцев вперед – для иллюстрации вот этого “во-вторых”.

Прилетаю в очередной раз в Москву, из аэропорта (как и в прошлые разы с заменой машин и пешими перебежками через дворы, чтобы сбить “хвост”) меня привозят в небольшой ресторан, на место секретной встречи с Мухтаром. Мы сидим, разговариваем, вдруг звонок, он отвечает, смеивается, говорит, что информация устарела, что Петр Владимирович вот он, уже сидит перед ним, опять что-то такое говорит, перешучивается с собеседником, а по завершению разговора спокойно так сообщает: это Дутбаев, хочет показать, что тоже в курсе...

ЕРГАЛИЕВА: Такие разговоры наедине с Мухтаром носили всегда “воспитательное значение”. Он как бы вправлял нам мозги, особенно когда речь заходила о противоречиях в ДВК с его группой во главе с Кожаметовым – по стратегии и тактике работы, по приоритетам кадров, но было ясно, что наша позиция не устраивала Мухтара. И когда у него заканчивались аргументы, он как бы удивлял нас. Особенно удивил, когда открыто признался в разговоре наедине про то, что меня повергло в шок и от неожиданности, и от абсурдности. Разговор шел опять-таки о Карлыгаш, которая “всем мешает”. Мухтар вдруг говорит: Гульжан, вы не думайте, что я сижу в Москве и ничего не знаю, что вы говорите обо мне. Я знаю каждый ваш шаг – где вы встречаетесь и о чем говорите, знаю даже то, как вы меня “показываете”, и действительно показал. Вы помните, Петр Владимирович, что в оппозиции тогда в целях конспирации у всех ключевых фигур были как бы вторые имена. Меня, например, в оппозиции называли и “сестрой”, и “модисткой”. А поскольку имя Мухтара после тюрьмы нельзя было произносить, его стали показывать жестом – маленький ростом. Я удивилась такой осведомленности Мухтара, на что он вдруг так и брякнул: мне о вас докладывает Дутбаев – каждое ваше слово. Как Дутбаев? – чуть не выкрикнула я. А вот так – и он стал говорить что-то о том, как в этом мире все продается и покупается. Я поняла так, что Дутбаев продавал информацию Мухтару обо всех нас. (Но я совершенно не удивилась тому, что КНБ следил за нами каждый час, прослушивая все наши разговоры и отслеживая все маршруты – это всем давно известно. Мы ведь не депутаты и не чиновники, чтобы притворно возмущаться незаконным слежкам и прослушкам).

Еще могу добавить, что после нас Мухтар встречался со всем составом политсовета тоже в Москве, но уже без нас. Некоторые члены – совестливые, приехали подавленными. Они, оказывается, с ужасом узнали от Мухтара Кабуловича лично, что он в целях более продуктивной политической деятельности сотрудничает с председателем КНБ Дутбаевым. Так Мухтар полностью расконспирировался.

Кто платит, тот заказывает музыку

СВОИК: Ну, так вот. После презентационных аудиенций в “Крокусе” мы переместились в номер из трех комнат, в передних шел наш общий разговор, уже в присутствии А.И., а параллельно опять-таки Мухтар в дальней комнате беседовал с каждым из нас поочередно,

потом – опять общий разговор.

Подробностей не помню, но суть, прямо сформулированная Мухтаром, такова: блокирование ДВК с КПК не обсуждается, этот вопрос решенный. По остальному можно дискутировать. Хотя о чем, собственно, спорить, если главная комбинация уже разыграна?

О местах в партийном списке, что ли? Тем более что и здесь приоритетными выставлены не соображения электоральной логики, а, так сказать, персонального престижа. Что объединенный список должен возглавить Абдильдин, это тоже не обсуждается, ну а то, что сразу за ним должен идти председатель президиума ДВК – ну как откажешь Асылбеку в такой его мечте?

Впрочем, тема выборов была не единственной в наших объяснениях с Мухтаром. Первым и главным стоял вопрос об изменении устава, поскольку роль “маленького Бонапарта” в исполнении Асылбека становилась уже даже какой-то карикатурной. Мы все больше походили на ту самую аппаратную “президентскую вертикаль”, которой собирались оппонировать, в уменьшенной и чуть смешной копии.

Мухтар, надо отдать ему должное, согласился, что устав будем пересматривать, но выдвинул просьбу-условие – что займемся этим только после выборов. Мы согласились – все-таки реальный компромисс.

Короче, разъехались как бы договорившись, потому что нравится не нравится, а дело надо делать. Но настроение, конечно, было не самое радостное. Я, например, с удовольствием согласился идти не по партийному списку, и даже не в Алматы. И Мухтар тоже с готовностью одобрил любое мое предложение – лишь бы где-нибудь подальше.

Я назвал Караганду и даже там зарегистрировался, начал работать, но тут вдруг (со времени возникновения ДВК это был первый контакт) вмешался Булат Абилов. По телефону он настойчиво и убедительно стал агитировать меня переориентироваться на Павлодар. Главным образом потому, что тогда уже ожидался перевод Галымжана на колонию-поселение, и предполагалось, что как раз в эту область.

Я согласился, в последний день регистрации успел переместиться, и теперь вижу, что тогда поступил правильно. Галымжан действительно скоро обосновался в Шидертах, избирательная кампания у нас прошла неплохо, но это уже другая история.

Хотя вот это – что переменял регион по просьбе “светлых”, тоже оказалось моей виной перед Аблязовым – Кожахметовым. Одно дело, когда я просто уехал куда-то в область – от избирательного штаба “ДВК – КПК” подальше, и совсем другое, что пошел на контакт с “противником”.

А то, что на тех выборах радикально-либерально-коммунистический блок фактически противостоял как раз не партии власти, а умеренному “Ак жолу” – это факт.

Другое дело – кому и зачем понадобился именно такой избирательный расклад. С одной стороны, логика того объединения вполне вписывалась в эмоции и прагматику лично Мухтара Аблязова. Досадить “Ак жолу”, хоть так посчитаться со “светлыми” (отход которых, как он считал, и отправил его в тюрьму) – это для него было немаловажно. И потом –

объединение пусть и крайне непохожих политически, но сходно управляемых им структур – это же так по-менеджерски эффективно!

Так экономится бюджет – такой подкупающий своей прямоотой аргумент привел он мне один на один, и как с этим спорить? Тем более что Мухтар как собеседник, должен сказать, всегда был достаточно убедителен – есть у него такой талант. Единственный эпизод, который он мне затруднился объяснить – сказал просто, что “тогда так было надо...” – насчет истории с попыткой опубликовать в “Ассанди” резко антипрезидентское заявление Галымжана. С другой стороны, расклад, когда соединенное право-левое крыло оппозиции байгует против умеренно центристской – это же мечта Администрации! Никто из политтехнологов АП не мог бы придумать ничего более эффективного, и тому же Комитету за содействие такой оппозиционной “самоаннигиляции” впору выдавать заслуженные награды. Короче – интересы сошлись.

Кстати, как тут не сказать и про нынешний блок “Народовластие”. Конечно, и “Алга” нынче уже далеко не то, чем был кожахметовский ДВК, и самого Асылбека уже нет в проекте, да и Компартия тоже изменилась (хотя как раз она – не сильно). Да и главный политический менеджер – Мухтар Аблязов, тоже находится в радикально изменившихся по сравнению с “московским периодом” обстоятельствах. Поэтому и решение об объединении незарегистрированной “Алга – ДВК” с КПК – это нечто иное, чем был избирательный блок 2004 года. Тем не менее здесь достаточно параллелей, о которых полезно знать и не забывать.

ЕРГАЛИЕВА: Выборы – это пик политической борьбы, на алтарь которой бросается все – ум, авторитет, организованность, средства... Мы так и заточились в том 2004 году. И когда узнали стратегию, принятую, разумеется, без нас – политсовета и съезда партии, были, конечно же, возмущены. И не только авторитаризмом “хозяина партии”, но и совершенно алогичной тактикой. Союз с коммунистами сразу же посадил ДВК – это совершенно разные (исторически, психологически и политически) ориентации, и непонятно было, кто кого будет тащить. Дружба, конечно, дружбой, но конкуренция, которая должна быть в оппозиции ради собственного развития, а также политическая целесообразность не толкаться в одном электоральном поле, а расширять его выбором программ, не сочетались с вариантом “КПК – ДВК”. (Объединяться и становиться единой силой надо до выборов – по-настоящему умножаться и составом, и электоратом). В общем, это был неожиданный и неподготовленный вариант, а значит – провальный.

Кроме этой ошибки нам предлагалась совершенно безграмотная тактика на выборах. Например, Ергалиеву и Своика не допустили до одномандатной борьбы в Алматы – где нас давно и хорошо знали, мы ведь уже боролись на выборах до этого. Зато поставили на выигрышный округ по социальному составу избирателей, где сосредоточен политически подготовленный электорат, совершенно чужую для алма-атинцев Б. Туменову из Павлодара. На мои доводы и настойчивость Мухтар только отвечал: не обсуждается!

Категорически была не согласна и мужественно сопротивлялась плану Аблязова Зауреш Батталова – ее также “затолкали”, как и меня, в партийный список, хотя она могла устроить красивую борьбу в Семее. В конце концов, она вообще отказалась участвовать в выборах как кандидат, а только предложила помогать штабу. И когда нам дали понять: кто платит – тот и заказывает музыку, мы отступили. Аргумент финансов тогда в ДВК был главным и бесспорным, а политическая наука – ноль.

И совсем непонятной была для нас сама выборная кампания блока “КПК – ДВК”. Планы были грандиозными – мы буквально закидали штаб разными и интересными предложениями, бери и делай. Но нам сказали – Москва посмотрит. Мы долго ждали. Наконец, из Москвы прислали двух политтехнологов – он и она, молодые ребята (вначале, кажется, их было больше, но остались двое). И вот началась самая настоящая тянучка. Москвичи долго что-то писали, проводили с нами какие-то интервью, ходили по каким-то закоулкам, потом снова что-то писали. Наконец, их выгнали, но время потеряли. А вокруг все соперники развернулись давно. Я проходила по партийному списку, а пока выпускала газету “Соз” и каждый раз спрашивала и Кожаметова, и Козлова – когда начнем, что будем публиковать? Но мне сначала отвечали, что скоро, потом ничего не говорили, и наконец Кожаметов стал элементарно избегать нас. А когда его поймали, он был вынужден признаться: Москва денег не шлет, Мухтар на звонки не отвечает. В конце концов, наша выборная кампания началась всего за 10 дней до голосования. И конечно – сокрушительный провал! Вот и я спрашиваю, кто умышленно завалил выборную кампанию двух оппозиционных партий в 2004 году?

Часть 10

Беседа журналистки Гульжан Ергалиевой и политика Петра Своика об истории “Демократического выбора Казахстана” – некогда общественного движения, а затем политической партии, это взгляд-анализ на события, которые имели важное значение в исходе (гибели) знаменитой организации. Об этих фактах, малоизвестных широкой публике, по мнению собеседников – участников тех событий, говорить необходимо, как об уроках современной истории.

Альянс Аблязов-Дутбаев

СВОИК: Выборы в мажилис в 2004 году для блока “КПК-ДВК” закончились политической катастрофой: наш список не только получил унижительный процент, но дал возможность власти занижить результат “Ак жола”, выделенный им один мандат тоже был, конечно, издевательством.

Но так или иначе избирательная кампания закончилась, и начался следующий – заключительный этап деятельности альянса “ДВК-КНБ” под формальным управлением председателя президиума политсовета Асылбека Кожаметова и неформальным – альянса Мухтара Аблязова с Нартаем Дутбаевым.

Как ни крути, а пришло время исполнять предвыборные договоренности – перерабатывать устав и готовить съезд. Каков бы ни был уже совершившийся разлад в наших отношениях, а двигаться вместе надо, и мы договорились с Асылбеком о начале, так сказать, консультаций. Собрались совсем небольшой группой не в офисе, чтобы говорить не под “прослушку”. Может быть, это вышло слишком категорично, но я начал с того, что всему президиуму во главе с Кожаметовым надо подать в отставку. Просто потому, что в уважающей себя партии, руководство, допустившее провал, обязано взять на себя личную ответственность и

само сложить полномочия. А если президиум сделает вид, что ничего не произошло, так оно всегда и будет повторяться. Что же касается подготовки съезда, то для этого достаточно и политсовета. На съезде же председателю президиума, пусть и сложившему полномочия, все равно надо будет отчитаться, если обоснуешь неудачу, и тебя опять выберут – другое дело, но поощрять безнаказанность ты первый не имеешь права.

В конце концов, сказал я Асылбеку, ты же сам настоятельно просил не мешать тебе, пока не проведешь выборы, сам же говорил, что ты именно результатом докажешь свою правоту. Результат – вот он, и согласишься, мы тебе и твоему штабу совсем не мешали, а наоборот, делали все возможное на своих местах.

А тут еще такая, не высказываемая вслух, но понимаемая всеми собеседниками подоплека: именно у “неудобных” результаты выборов оказались лучшими. У кожахметовских только Батырхан Даримбет (ныне покойный) в Кызылорде показал не стыдный результат, зато Маржан Аспандиярова в Алматы, имея на порядок меньше ресурсов, набрала на порядок более высокий процент (дающий возможность вернуть избирательный взнос), чем баллотирующаяся рядом с ней “наш милый доктор” Бахтыла Туменова. И у нас с Людмилой Артюковой в Павлодаре оказались самые высокие показатели, и не только по нашим округам, но и по всему избирательному списку блока “КПК-ДВК”.

ЕРГАЛИЕВА: Я уже говорила в прошлый раз, что этот провал был не случайным, а запланированным – завалили сразу две партии в одном блоке: это и диверсионная тактика по расстановке кандидатов на округах, и затянутые донельзя сроки предвыборной борьбы, и т.д. Когда мы получили результаты по партийным спискам, я ахнула. Точь-в-точь такое же число проголосовавших, как было на выборах 1999 года за партию НКК. Что-то чуть больше 130 тысяч голосов. Но в 1999 году выборную кампанию Народного Конгресса проводила я одна и 10 помощников на всю страну, на все про все было потрачено где-то 17 тысяч долларов. Был, правда, немаловажный фактор – не забытый авторитет лидера партии Олжаса Сулейменова. А тут – целый штаб, десятки доверенных лиц, сотни наблюдателей, консультанты, собственные СМИ, сотни тысяч листовок, тысячи агитаторов и т.д. И лидеры – брэнд блока, были не хилыми – Жакиянов и Абдильдин. И тогда, и теперь были фальсификации, но разве можно сравнивать силы и средства той моей кампании и этой – кожахметовско-козловской? Здесь тратились миллионы, якобы работали тысячи людей – а результаты одинаковые. И “Ак жол” тогда валили фальсификациями, но у них все же были протоколы с явным перевесом голосов за их партию. А у блока “КПК-ДВК” таких аргументов не было. Значит, народ не голосовал, значит, просто не знал, значит, кто-то так пожелал...

“А мое место – где?”

СВОИК: Итак, двигаться дальше все равно надо было, и разговоры о подготовке съезда объективно закрутились сами собой вокруг вопроса власти. Старое наше предложение – ввести должность председателя партии, удалось провести ввиду некоторой поствыборной растерянности наших оппонентов. Само собой подразумевался и единственный кандидат на эту должность – Галымжан Жакиянов. Благо, к тому времени он стал физически доступен – на колонии-поселении в Шидертах.

Кстати, первая после ареста встреча с ним бывших соратников произошла как раз сразу после выборов и по их поводу. Галымжан сам предложил встретиться у него. Приехало человек

десять, от “тех” были Козлов и Туменова (она пришла в ДВК как замакима Жакиянова, но к тому времени уже переродилась), были мы с Зауреш, вы, Гульжан, и еще несколько человек от политсовета из регионов.

Жакиянов председательствовал, но сам говорил только в заключение, всячески старался дать каждому выговориться и был только модератором. Впрочем, кое-какие его вопросы, как бы и без подвоха, били точно в цель. Так, поинтересовавшись у Туменовой, каков был ее избирательный бюджет, он попросил ее разделить всю сумму на число полученных голосов, результат же – во что обошелся каждый голос, получился такой, что повисло многозначительное молчание...

Короче, поговорили, слава богу, не разругались, и до открытых дерзостей не дошло. Разумеется, вторая часть разговора была посвящена будущему съезду и изменению устава. Здесь Галымжан тем более старался держаться нейтрально, единственно, на что давил – что съезд нужен, а что на нем решать – сами смотрите.

Я, как прямой свидетель, должен сказать, что к варианту своего председательствования Жакиянов относился очень осторожно, и к посту отнюдь не рвался. Поскольку видел в таком решении кучу неизбежных проблем, которые вряд ли удастся преодолеть. Начиная с отношений с Мухтаром, разумеется.

И еще, кстати: у них после перевода Галымжана в Шидерты появилась возможность телефонного общения. И разговаривали они, не сказать чтобы часто и регулярно, но по необходимости общались. Галымжан со мной делился содержанием этих разговоров, а потому могу сказать, что вот эта тема: как остающемуся только на словах “лидеру ДВК” Жакиянову формализовать свое место в партии – она все их разговоры пронизывала, но была столь щепетильной, что присутствовала более по умолчанию, нежели обсуждалась вслух.

Тогда у них по этому вопросу образовался, чуть ли не консенсус: Мухтар вполне ясно давал понять, что видеть Галымжана на посту председателя не хочет, Галымжан же в свою очередь в таком раскладе участвовать тоже не хотел. А перед съездом все равно надо было определяться, но ситуация зависла. Так продолжалось несколько месяцев, и в один момент дело у них подошло к кульминации: Галымжан сказал Мухтару, что принял другое решение – он просто тихо отойдет от ДВК и никаких заявлений делать не будет.

Всему этому “переговорному процессу” я был свидетелем. Мне выпало “челночничать” между ними: в Шидертах я бывал часто, и пару раз Мухтар приглашал в Москву – тоже обсуждали предсъездовские дела. Такой эпизод: сидим мы с ним один на один (как раз тогда и позвонил Дутбаев, о чем я уже упоминал), говорим о Жакиянове и избрании его председателем (коль скоро второй лидер ДВК – зашифрованный). И вдруг Мухтар прямым текстом восклицает: “А мое место – где?!”. И продолжает, что Галымжану хорошо – он сейчас на свежем воздухе, здоровье набирает, сено там ворочает и никаких забот, а он, Мухтар, свои деньги тратит, всем рискует, и – ради чего? Я в ответ говорю: “Мухтар, понятно, что ваши пути разошлись, вместе вы уже не будете, но ты же сам понимаешь, что этот ваш разлад никак не должен стать публичным. По крайней мере, пока Галымжан не вышел на свободу. Ведь если начнут обсуждать, почему вы разошлись, неизбежно всплывет версия, как тебя помиловали, и тогда ты – политический труп”. Насчет “трупа” Мухтар ничего не сказал – не возразил, не согласился, просто услышал и все...

ЕРГАЛИЕВА: Но Мухтар и его команда – Кожакметов, Козлов, Туменова, далее не буду перечислять членов политсовета, которые находились, как теперь говорят в Ак орде, “на ручном управлении”, тем временем продолжали бессовестно спекулировать авторитетом Жакиянова – политического узника и, по сути, главной силы ДВК – по массовости организации и степени доверия в народе. То есть на политсоветах (вдали от глаз) они его уничтожали как лидера, а на публике орали лозунги “Свободу Галымжану!”, “Галымжан – Казахстан!” и его именем продолжали лепить себе политический авторитет. Не думаю, что тогда народ пошел бы за лозунгом “Да здравствует Мухтар – блудный сын Назарбаева!”.

Тогда мне не совсем были понятны цели Мухтара. С одной стороны – он отступник от оппозиции (сам принародно признался), с другой – финансировал ДВК и им подпольно управлял, а потом так ожесточенно боролся с нами и, наконец, с самим Жакияновым. С одной стороны, он хотел перехитрить “папу” и вести с ним двойную игру (что, честно говоря, было нереально и даже глупо после принятых им условий помилования), с другой – вычищал из партии наиболее опытных, самостоятельных и знаковых людей, оставлял только марионеток и отбирал партию у законного лидера. Две совершенно взаимоисключающие задачи. Здесь можно комбинировать множество вариантов, но я лично пришла к одному.

Совершенно очевидно, что так и несломленный Жакиянов был большой политической проблемой власти и на тот момент, и на будущее. А тут еще растущая, как на дрожжах, оппозиционная организация с таким знаменитым лидером, с которым невозможно было договориться. (Кто-то в Ак орде сказал, когда Галымжана судили: “Жакиянова надо сажать по полной, если он придет к власти, то всех нас закатает в асфальт”. Наверное, имелась в виду его искренняя позиция как опасного врага режима).

Сам же Мухтар, я уже об этом говорила, играл в свою игру. Против всех, если так можно сказать, но исключительно в собственных интересах. И тут цели власти и бывшего оппозиционера сошлись масштабно. Надо знать, что Аблязов всегда играет по-крупному. Видимо, совпадение интересов привели к следующим целям: чтобы сделать из Жакиянова “политический труп” и чтобы он больше не был ни лидером партии, ни вообще политиком, а ушел в забвение. А ДВК, как серьезную оппозиционную организацию, поставить на другую работу. Тогда обновленный после раскола “Ак жол” (Настоящий) стал очень беспокоить власть. Этой партии нужен был не менее сильный противник на оппозиционном поле. Им мог бы стать ДВК – таков был план Аблязова-Дутбаева. Интересы власти понятны – уничтожить Жакиянова и осложнить жизнь “Ак жолу”, а интересы Мухтара – иметь свою партию, как политический аргумент в осуществлении своих целей, и сладкая месть лидерам “Ак жола”, которые его “предали” в 2001 году и из-за которых он “попал в тюрьму”.

Обман низов – фишка ДВК

СВОИК: Так вот, когда Жакиянов объявил Аблязову о своем отходе от ДВК, ситуация резко перевернулась. Приезжаю в Шидерты, и Галымжан мне сообщает, что Мухтар потом сам позвонил и предложил ему стать председателем.

ЕРГАЛИЕВА: Вставляю реплику в свете только что сказанного мной. Тогда уход Жакиянова из партии закончился бы развалом ДВК, Мухтар это понимал. Ведь сама партия – десятки тысяч людей даже не подозревали, что творил с нами и Жакияновым так называемый политсовет. Если бы мы выступили и рассказали правду, партия просто бы лопнула. А зачем

Мухтару и власти очередной “Руханият”?

СВОИК: Мы долго ходили с Галымжаном по степи – обсуждали. Я склонялся к тому, что надо соглашаться, но Галымжан резонно сомневался, стоит ли возглавлять партию, фактически уже принадлежащую другим. Хотя сам же выдвигал довод, что его отход от ДВК тоже вызовет кривотолки и общему делу навредит. Решили повременить. Но Мухтар звонил еще, настаивал, и они как-то там оговорили будущие отношения, Галымжан согласился.

Казалось бы, с главным определились, но и после этого подготовка к съезду шла трудно. Приходилось сопротивляться попыткам “двоевластия”, в проект нового устава при должности председателя партии вбивалось сохранение председателя президиума со всем набором полномочий. Асылбек, надо отдать ему должное, все обставлял демократически: политсовет обсуждал, решения принимались голосованием. Ну а то, что большинство, образуемое из “ручных” руководителей областных филиалов, оказывалось на его стороне – так на то она и демократия!

Был даже такой забавный момент: провели, так сказать, рейтинговое голосование – какой у кого в политсовете авторитет в баллах, чтобы всегда остающаяся в меньшинстве оппозиция не кичилась своими именами-заслугами. Ну и получилось, что самые низкие баллы у Батталовой и Ергалиевой, не считая полного аутсайдера – Своика.

Короче, к съезду сложилось уже полное раздвоение: основные решения, подготовленные к принятию, шли в нашем ключе, но сами мы от подготовки мероприятия были полностью отстранены. Вплоть до того, что место проведения съезда держалось в секрете и от нас.

Интересно, что при столь насыщенной драматургии само мероприятие внешне прошло довольно гладко. Изменения в уставе и избрание Жакиянова председателем прошли на одном дыхании, практически единогласно.

Из эпизодов, заслуживающих особого внимания, а все они были уже после избрания, отмечу три. Первое – Владимир Козлов впервые вслух раскрыл инкогнито: не думайте, дескать, что у партии только один лидер Жакиянов, есть еще Мухтар Аблязов, который ... дословно не помню, но про его роль сказано было вполне определенно. Второе – это та самая пресловутая резолюция съезда, из-за которой партию и закрыли. Когда я увидел ее проект, специально взял слово, сказал, что в таком виде принимать нельзя. Тем более что теперь, по новому уставу, такие документы подписывает председатель (избранный Жакиянов). После чего создали редакционную комиссию (включая и меня), имея в виду, что с доработанным проектом мы поедем в Шидерты к председателю партии, там и подпишем. Третье, кстати, касается вот этой самой поездки.

Карлыгаш на съезде зачитала приветствие Галымжана, благодарность за избрание и приглашение – чтобы новый политсовет провел свое первое заседание у него. Асылбек пытался как-то от голосования по этому вопросу уйти, зал настаивал, ему пришлось уступить.

ЕРГАЛИЕВА: Это была уступка Мухтара, причины которой точно сейчас назвать трудно. Может, он не хотел скандала, который назревал в партии уже давно, но только благодаря нашему, по просьбе Галымжана, молчанию, он не вырывался наружу. (Чем и пользовались товарищи из политсовета). Хотя перед тем съездом, если помните, у входа собрались

журналисты, кто-то их вызвал. Кажется, один из делегатов, который “самовольно” приехал на съезд, но его не пускали. Тот делегат обвинил перед прессой Кожаметова и Козлова в авторитарных методах правления в партии (и был прав, противников существующей администрации в партии накопилось множество, но их к съездам не допускали). Тогда вышел к журналистам (на улицу) Козлов и дезавуировал заявление партийца, назвав его чуть ли неадекватным. Съезд же был закрытым для прессы.

Вообще, надо сказать, что кожахметовско-козловско-туменовское управление в ДВК делало все, чтобы скрывать от рядовых членов правду о тех сложных и тяжелых отношениях в политсовете и между двумя ключевыми фигурами. Они боялись открыто оппонировать нам, наши попытки говорить прямо обязательно гасились возмущенными активистами (одними и теми же), что мы раскалываем ряды партии. Прибегали к самым разным ухищрениям, только чтобы заткнуть нам рты. Так, опыт орговика Б.Туменовой в таких делах сильно пригождался. Она, например, отвечала за “дисциплину” на съездах. Когда, например, могли возникнуть разногласия и ненужные им споры, то ее верные делегаты по условному сигналу (махнуть платком или кивнуть) голосовали “как надо” или выступали “с осуждением”. Они продумывали все до мелочей и пытались упреждать каждое наше движение. Перед съездом, всю ночь напролет, делегатам хорошенько промывались мозги.

Боялись нашего мнения. Помню, на том съезде я взяла слово (незапланированное) после приветственного письма Галымжана, которое зачитала Карлыгаш. Я сказала, что пришло время отдать должное Галымжану за его мужество, за то, что он в одиночестве несет несправедливую кару в тюрьмах, что пора назвать его председателем партии и больше не быть “всадниками без головы”. А пропаганда, что за это партию закроют – это трусость, которая только на руку властям. И тут Козлов, как обычно, хватает телефон и бежит звонить Мухтару (он это делал всегда – докладывал каждое слово, и тут же получал подробную инструкцию). Потом Мухтар меня упрекнет за “всадников без головы”. Хотя непонятно – почему. Наверное, чтобы обозначить нашу инородность.

Но наш великий и наивный народ ничего об этом не подозревал. Галымжана любили без предела, все думали, что он действительно лидер партии, хотя деликатность Жакиянова и его политическая культура не позволяли ни словом, ни намеком дать понять тому же съезду, что от него уже отреклись “мозги партии” – верхушка Аблязова. Обман низов в ДВК – это была эксклюзивная фишка.

Два варианта: быть или не быть?

СВОИК: Итак, съезд прошел, политсовету надо собираться в Шидерты, а Асылбек все тянет и тянет, прошло сколько-то недель, наконец, он назначает выезд, почему-то на рабочий день. Приезжаем, попадаем как раз в обед, Галымжан дома, начинается разговор, проходит всего минут десять и, конечно, за Жакияновым бежит посыльный – срочно на работу. Приходится дожидаться вечера, но тут вдруг такая новость: наши коллеги ну никак ждать не могут! У них оказывается у всех обратные билеты – им пора! Мы (еще думая, что это просто случайная накладка) пытаемся убедить, что дожидаться Галымжана и провести политсовет вполне можно. В три ночи мимо Шидертов идет поезд, утром уже в Астане, у кого какие билеты – все успевают. Но нет, и они (пряча глаза) организованно рассаживаются по машинам и – ходу!

У оставшихся в глазах полная растерянность, у кого-то, честно сказать, даже слезы – такого, прямо сказать – предательства, да еще демонстративного (получалось, что вся поездка сразу была запланирована на такой финал) никто не ожидал.

Чуть позже один из тех нам рассказал, что, оказывается, после съезда весь избранный состав политсовета (кроме, понятно, нас) Аблязов вызвал к себе в Москву и там им прямо объявил, что с Жакияновым ему не по пути. Что ж, тем более понятно, что тогда случилось в Шидертах.

А еще через пару дней после того несостоявшегося заседания и вышла вдруг (в ДВКшных газетах) та самая, никак не отредактированная и не подписанная избранным председателем резолюция съезда, из-за которой было возбуждено дело по закрытию партии.

Полагаю, публикация “подставляющей” партию резолюции (или это называлось заявлением – не помню) была сознательной, интересы и закрывающих, и закрываемых в данном случае совпали. Аблязову его партия во главе с Жакияновым становилась ненужной, равно как и Администрации, и Комитету.

По всей видимости, уже тогда была и задумана “Алга-ДВК”, как единственный способ избавиться от Жакиянова, если уж по-другому не получилось. Насколько напрямую в проект “самозакрытия” НП ДВК были посвящены Кожахметов, Козлов, Туменова – сказать не берусь. Вероятнее всего, их использовали по умолчанию, но чтобы они ни о чем не догадывались – этого, конечно, не было. Один пример тому.

Я, как член политсовета, письменно обратился с предложением, как уйти от судебного иска по закрытию партии. Суть в том, что коль скоро единственным поводом является та самая резолюция, достаточно указать на ее нелегитимный по уставу характер. Пусть Козлов, как ответственный за связи со СМИ, или сам Кожахметов возьмут на себя ответственность за эту публикацию. По технической ли ошибке или по иной причине, но партия не обязана отвечать, если кто-то опубликовал документ, ею законно не принятый.

В ответ молчание. А чего было больше – нежелания взять все на себя или боязнь нарушить уже принятый план – судить трудно.

По всей видимости, вся эта многослойная подоплека объясняет и тот наполовину анекдотический, наполовину фарсовый случай, когда Кожахметов не явился на решающее заседание суда по закрытию партии, улетев на курорт Шарм-аль-Шейх, предъявив в “оправдание” справку о... воспалении легких.

Так партию закрыли, а на ее место пришла “Алга” – та самая, сегодняшняя. Вот и вся история про начало и конец “Демвыбора”.

ЕРГАЛИЕВА: Как бы там не говорили, что Мухтар попросил Галымжана стать председателем партии, я думаю, они держали свой вариант на съезде. Почему нам не сказали даже адреса, где должен был проходить съезд (и на такое пошли!)? Адрес буквально вытрясла из кого-то Карлыгаш накануне. А Мухтар тем временем дал установку не пускать Жакиянову на съезд. Вплоть до того: возьмите за руки и за ноги и выкиньте ее. Почему? Не было бы Карлыгаш и нас на съезде, не было бы письма Жакиянова, не было бы его избрания председателем партии. Но мы пришли на съезд и выступили. (Думаю, вызванные делегатом

журналисты напугали их, поэтому нас пустили в зал). Жакиянова народ избрал с бурными и, как говорят, продолжительными аплодисментами.

Может быть, у аблязовцев были заготовлены два варианта: один в случае “благополучного” исхода и тогда не было бы того провокационного заявления, другой – если все пойдет не так, запускать свою “бомбу”. (После того заявления партию обвинили в экстремизме и призыве свержения власти.) В общем, план Аблязова-Дутбаева провалился, и поэтому была включена программа самоуничтожения партии.

Заключение

Более двух месяцев продолжалась беседа Гульжан Ергалиевой и Петра Своика на страницах “Свободы Слова” об истории некогда известного “Демократического выбора Казахстана”. С самого начала она заявлялась как воспоминание участников и свидетелей событий, а не как строгая биография ДВК с точными датами и документами. Получился некий сплав субъективно-объективного рассказа, который имеет тоже право на жизнь, так как является свидетельством реальной истории. Сегодня собеседники подводят итоги своего разговора и раскрывают цели, зачем этот проект появился.

Национальное достояние – оппозиция

ЕРГАЛИЕВА: Итак, Петр Владимирович, подведем итоги и определимся – зачем надо было рассказывать все это. Скажу, что в процессе публикации этой беседы были высказаны разные мнения в обществе – по разговорам при встрече и звонкам читателей. Обиделись в основном те, кто выступал в числе героев нашего повествования, и те из оппозиции, кому там не надо быть вообще. Таких единицы, а остальная масса читателей, как я поняла, читали нашу историю с большим интересом, кто-то даже сказал “ваш бестселлер”. Некоторые просили издать книгу из этой беседы. Говорят, что это тоже учебник жизни – политика сегодня захватывает многих, пусть даже теоретически. И политики не менее популярны в обществе, чем звезды кино или хорошие писатели. Люди чувствуют, что они так или иначе присутствуют в их жизни – как носители надежд или разочарований, и способны повлиять на их судьбу.

Скажу о своих мотивах, которые “развязали мне язык”. Мы в тех обстоятельствах пережили глубокую драму, потому что в оппозиции, если ты в ней по убеждению, пребываешь как в семье – не за деньги или должности (это не служба и не работа). Вкладываешь часть себя, причем лучшую. В нашей с вами оппозиционной биографии не было безоблачных и счастливых деньков, мы прошли через трудное перерождение простых человеческих рефлексов в запросы и ценности более масштабные – общественные, отвыкали от личных стимулов, учились неизведанным доселе взаимоотношениям, боролись с собственным страхом и комплексами, проходили проверку на чистую совесть и безграничную терпимость... Испытали побои, прошли через наказания – суды и камеры, видели смерть соратников, убийства товарищей... Таких, как мы с вами, в оппозиции сотни и тысячи. Если суммировать все эти судьбы и сложить все сделанное, то получится большой и ценный опыт.

Ведь оппозиция – это государственное дело, поскольку она находится в этом поле деятельности. Это национальное достояние – познавая эту сферу общественной жизни, люди тоже учатся, растут, к чему-то стремятся. И относиться к оппозиции надо с таким же значением, как к власти – объективно и требовательно.

Я считаю, что это достояние должно быть таким же транспарентным, как использование национальных ресурсов – нефти, газа и так далее. Казахстанская оппозиция тоже молода, как сама страна. А, как известно, честь хранят смолodu. И если оппозиция – это альтернатива власти, то она должна быть ей противоположностью не на словах, а на примерах. Если власть врет, то оппозиция – нет, если власть предает, то оппозиция – нет, если власть морально слабая, то оппозиция должна быть сильной... Поэтому считаю своим долгом на правах человека из оппозиции говорить обо всем этом. Так будет и впредь. Говорить честно о себе – это тоже конкуренция с властью. И прежде чем клеймить противника, надо взглянуть на себя вдвойне с упрёком.

А в судьбе ДВК “варились” десятки тысяч людей. Зачем они рисковали, стояли на пикетах, проходили через суды, боролись на выборах, жертвовали своим благополучием и спокойствием своих семей и т.д.? Разве они не вправе знать, что было на самом деле, и получить ответы на вопросы, которые остались у них после внезапного закрытия ДВК?

И потом. Года два назад я случайно встретила с Мухтаром Аблязовым на одном юбилее. И хотя он долго делал вид, что меня не замечает (а мы после московских бесед не общались больше трех лет), я все же подошла к нему. И вот почему. Я уже говорила о деятельности газеты “Республика”, которую плотно курирует Мухтар (хотя он это отрицает), высказала ему свою просьбу – чтобы прекратили подрывную политику против оппозиции. Эта политика в основном замешана на элементарной клевете, обвинениях и подозрениях (про серьезную аналитику никто не спорит). Высшим пилотажем такой политики, как я уже рассказывала, было огромное интервью некоего деятеля из теперь уже “Алги” в “Республике”, напечатанное сразу же после выхода на свободу Галымжана Жакиянова. Это было не только публичное отречение от бывшего лидера партии (хотя связи были уже давно разорваны), но и колоссальное унижение человека и его убеждений, за которые он отсидел от звонка до звонка. Мы же понимаем, что устами того человечка говорил сам Мухтар. Он как бы лишний раз “уволил” Жакиянова.

И далее – разведение на страницах этой газеты (да и не только этой) сплетен про лидеров оппозиции, особенно про Булата Абилова. В том разговоре я сказала Мухтару, что надо уже прекратить играть в такую антиоппозиционную игру, просила ради всего святого, что мы вместе пережили, разойтись с миром. Напомнила, что мы же храним тайны ДВК и никому ничего не рассказываем, хотя тоже имеем возможность не хуже “Республики” все донести до народа. Но Мухтар меня не слышал, как всегда. Он вновь стал говорить, что никому не верит, никого не простил, и немного посожалел о том, что я люблю только одного Мухтара, ушедшего в тюрьму в 2002 году, как я ему призналась.

И наконец “Республика” взялась лично за меня (об этом я тоже рассказывала). Один раз, второй, третий – писали, что попало, лишь бы подорвать репутацию Ергалиевой. А моя репутация – это не только моя честь, но и мой хлеб. Кто будет верить газете, которую выпускает “засланка” Ак орды, что неоднократно пыталась внушить “Республика” обо мне. Извините, так уже не пойдет. Я потребовала от Петрушовой опровержения, но она отмолчалась. Так что они сами подали мне лишний повод для ответного слова. Последняя

капля терпения. Думаю, достаточно причин.

Кто уходит из режима?

СВОИК: Тогда – после плотной череды финальных событий: баталии перед съездом, съезд, сорванный политсовет в Шидертах, публикация подставного заявления и, наконец, суд по закрытию НП ДВК – все закончилось, организаторы “Алги” ушли своим путем. А мы остались предоставленные самим себе, своим размышлениям, которые и свели весь калейдоскоп событий в окончательную причинно-следственную связь, было острое желание – все это тут же выплеснуть наружу. Но с самого начала мы трезво понимали, что этого делать не будем – сколько всего накличем, в том числе и на себя.

Теперь же, именно то же самое трезвое понимание и подвело нас к решению – рассказать. Не ради прошлого, а именно ради того, что сейчас происходит в оппозиции, и что дальше будет. А накладки – они, когда ни начни рассказывать, все равно будут. Вот не успели мы начать воспоминания, как у Мухтара отняли “ТуранАлем” во второй раз. Не успели рассказать историю странного альянса ДВК и Компартии образца 2004 года, как, пожалуйста, второе издание той же композиции под названием “Народовластие”. Опять же, наш рассказ предварял Форум четырех оппозиционных партий.

Естественно, нас могут спросить – как же можно ратовать за объединение оппозиции, одновременно рассказывая такое? Но мы ставим вопрос по-другому: как же можно объединить оппозицию, если в ней сокрыто такое?

Да, мы, так сказать, дегероизировали оппозицию. Мало того, что и так ее все ругают за слабость и разобщенность. Но давно бы следовало понять, что оппозиция любой власти – всегда ее отражение, и это – объективный факт. В персонифицированном авторитарном режиме любая наша партия, будь то провластная или оппозиционная, не может не быть ничем иным, как отражением той же персонифицированной конструкции.

Не то что партии, ни одного НПО, выстроенного по парламентскому принципу, у нас в стране сейчас нет и быть не может. То же и по лидерам оппозиции: все они разные и пришли к своему положению в разное время и разными путями, но у всех есть одно общее, без чего статус персонального оппонента правящему режиму получить невозможно. Это обязательная принадлежность к тому же режиму в прошлом – к административной или бизнес части власти, но именно статусное положение в режиме только и дает вышедшему оттуда оппозиционеру аналогичный статус в оппозиции.

Другое дело, почему высокопоставленные чиновники или успешные бизнесмены перешли из режима в оппозицию, какие конкретные обстоятельства к этому привели и чем лично они мотивировались? Здесь я уверенно говорю: подавляющее большинство ушедших из власти-бизнеса в оппозицию – не ангелы, конечно, но люди достойные, в каком-то смысле соль своей страны и своего народа. Конечно, мелкотравчатость оппозиции, разобщенность и поверхностность осложняют и отдаляют это будущее, но то, что будущее не за приватизированным несколькими кланами государством, это несомненно. А поскольку именно оппозиция этого добивается, на нее и надежда на будущее страны.

Ведь кто уходит из режима в оппозицию? Именно те, кто в него не вписался. Бывает,

конечно, что своей слабостью, но чаще всего – нестандартностью, амбициями, нежеланием поступаться собственным достоинством, мириться с тем, что считаешь неправильным. Оппозиция – она ведь тоже “продукт Назарбаева”, и история ее возникновения, формирования и развития – эта история и самого режима в противофазе.

Вспомним, в первой половине 90-х выбросы из власти в оппозицию имели исключительно “штучный” характер, а почти все нынешние лидеры оппозиции делали успешную административную и бизнес карьеру, будучи консолидированы увлекательными задачами – строительства суверенной государственности и новой рыночной экономики. И президент по праву был для них папой – в самом хорошем смысле этого слова.

Только уход Кажегельдина стал знаковым событием: в режиме личной власти становится тесно! Кстати, в премьерскую бытность Акежан Магжанович не давал ну никаких оснований считать его приверженцем демократии, и это тоже знаковое явление – всем, кто не может реализовать себя в режиме персонифицированной власти, необходимо другое устройство – институциональное.

Возникновение же ДВК – это уже был не просто мощный выброс из режима наиболее живого кадрового потенциала, но и прямой раскол власти, не через самую сердцевину, но совсем близко от нее. Да, вся интрига завертелась и резко ускорилась через прямое столкновение сцепки акима Жакиянова и банкира Аблязова с президентским зятем. И уже в закрученный ими водоворот были втянуты многие другие ведущие чиновники и бизнесмены – как раз лучшая и продвинутая часть, которой режим тоже уже стал явно тесен, но не готовая к прямой конфронтации с ним.

Последующие события – смычка Аблязова и Жакиянова со “старой” оппозицией – тоже были естественным ходом событий, в которых у каждой стороны была своя правда.

Аблязов и Жакиянов повели себя в тот момент как герои? Да, это правда, но правда и то, что тогда они элементарно просчитались с ситуацией, разошлись с соратниками, переоценили свои силы и слабость режима. У вынужденно пошедшего на репрессии режима тоже уже не было обратного хода, случившиеся тогда “политические заморозки” длятся по сей день. Убийства Заманбека и Алтынбека тоже отдаленные следствия тех событий.

Галымжан выпавшие на его долю испытания выдержал достойно, ну и что? Выдавленный из политики не только противниками, но и соратниками, он теперь тоже не въездной в собственную страну, разве это не повод, чтобы серьезно задуматься и честно об этом поговорить?

Мухтар – чрезвычайно колоритная фигура, его политическая карьера на самом деле еще только начинается, но и того, что было – уже достаточно для съемок самого захватывающего блокбастера!

Как древний царь Мидас

ЕРГАЛИЕВА: В нашем рассказе Мухтар Аблязов стал главным героем. И не потому что мы с вами так выстроили сценарий, а потому, что он действительно был главным действующим лицом тех событий. Что было, то – было, и никому это уже не изменить. Кто-то может

справедливо, на его взгляд, возразить – какая разница, какие цели преследовал Мухтар в войне с властью. Главное, что он боролся с режимом, помогал оппозиции, финансировал газеты и так далее. Он – борец!

Да, Мухтар хороший борец – рискованный, умный, многоходовый, ничего не жалеет. Но я уверена, что по своей сути он не далек от тех, с кем боролся. А может, еще покруче. Я бы не хотела менять “шило на мыло” или жить при еще более изоциренном (в силу поколенческого феномена) режиме личной власти – бескомпромиссности, давления и почти болезненного чувства собственного превосходства над всем и всеми. Я бы не хотела, чтобы в Казахстане появился Акаев-2, как в Киргизии, или уже не способный к самоконтролю Саакашвили, как в Грузии, который сразу же превратил во врагов бывших соратников, приведших его к власти. Лучше бы в Киргизии оставался Акаев, который сегодня умер бы как президент естественным путем, а общество без стрессов и спешки – не так, как это было во время революции, успело бы подготовить достойного преемника. И не было бы этих бесконечных дрызг на площадях, отчего истощается государство. То же самое сейчас и в Грузии.

Опыт показывает, что в оппозиции не все так просто. Линчевать власть в закрытых залах или выливать эмоции в оппозиционной прессе – это уроки для первоклашек в политике. Главное – как победить власть на главном поле битвы общественного сознания, как влюбить в себя народ, чтобы он в тебя поверил. И только тогда по плечу чудеса – изменить страну. Но Мухтар – увы, это не та философия, которая нужна в оппозиции. Бороться, чтобы отомстить, победить, чтобы воспользоваться. Нет, это мелко для государственного масштаба. Он хотел совместить несовместимое – сотрудничать с властью и воевать с ней одновременно? Но так не бывает, как не бывает сухо в дождь. Поэтому рассматривать Мухтара в оппозиции надо не как политика, а как предпринимателя. Для него политика – это тоже бизнес-проект со всеми рисками и поставленными выгодами. Если так смотреть на Аблязова, то он – гений! Но вряд ли его опыт и вложения представляют серьезную политическую ценность. Березовский тоже играл в политику, но не ради демократии в России. Он пользовался политическими технологиями, чтобы богатеть с помощью Кремля, а потом получить защиту Запада от того же Кремля. Разве казахстанская история с олигархом не такая же?

СВОИК: Древний царь Мидас превращал в золото все, к чему прикасался, а Мухтар – все, на что обращает взор, и очень талантливо. Я внимательно прослушал тот его суд – ничего прямо криминального он не совершил. Как министр энергетики, он развязывал неплатежи, составляя сложные схемы зачетов, в том числе через свои предприятия. Мог бы через чужие, а делал через свои – как бы не злоупотребление служебным положением, а просто его использование. Другие просто воровали, а он составлял комбинации.

В этом смысле то, что он стал едва ли не самым крупным бизнесменом в стране – вполне по его заслугам. При посадке же у него все элементарно отобрали, любому другому только этого хватило бы, чтобы сломаться. Тем более, получив помилование в обмен на обязательства перед Комитетом. Но Аблязов все перевернул в свою пользу!

Беседуя с ним в Москве и зная про тесную связь с Дутбаевым, я никак не мог совместить две вещи. С одной стороны, поставить здесь такой крупный бизнес, выйдя на свободу почти без ничего, он сам при любых способностях не мог. И громадные деньги, да и право строить в Москве были даны, конечно, с очень высокой санкции, в этом проекте Мухтар был не хозяином, а доверенным управляющим. Доверенным потому, что обстоятельствами своего освобождения был надежно привязан к тем, кто его посадил, а потом выпустил. С другой

стороны, Мухтар финансировал и оппозицию, и оппозиционную прессу, и это у меня никак не совмещалось. Допустить, что президент не догадывается, откуда у ДВК деньги, было очень трудно, но совершенно невозможно было представить, что это делалось с его ведома. Объяснений у меня нет до сих пор, но одно можно сказать уверенно: на цепочке от Аблязова к Дутбаеву, и от того к “ноль первому” информация каким-то образом фильтровалась и преломлялась. Мухтар вел сложную игру, и она у него получалась. Кто кого крепче держал на поводке, и кто кого на самом деле больше водил – этот вопрос остается открытым.

Дальше – больше, Мухтар получает в управление уже и свой банк, после чего “отворовывает” когда-то отнятые у него деньги назад, да так, что у проشياпивших монетарных властей просто паника: крах БТА грозит обрушить всю финансовую систему. Потрясающий поворот действия: банкир Робин Гуд и современный мститель граф Монте Кристо в одном сюжете!

Должны ли мы осуждать Мухтара за то, что он вышел из тюрьмы в обмен на договоренности с властью? Поставь себя каждый в его ситуацию, и ответь сам!

В любом случае, он не злодей, а жертва – его мучители расставили капкан, Мухтар в него попался, подвергся чудовищному давлению, согласился сотрудничать с КНБ, вышел и... в конечном счете еще неизвестно, кто кого завербовал!

Сочувствую ли я ему в том, что опять с ним случилось? Нисколечко (хотя и симпатизирую)! Поскольку случившееся – приз ему. Мухтар опять сыграл предельно авантюрно и на данном этапе выиграл. Должен ли он опасаться казахстанского правосудия? Нет, от депортации он гарантирован, зато казахстанские власти, снявшие его с руководства БТА, опережая мнения акционеров и с нарушениями законодательства, должны теперь опасаться исков в зарубежных судах, чреватых очень серьезными материальными и имиджевыми неприятностями. Аблязов опять на коне! Почти наверняка он вновь вернется в публичную политику. Ресурсов у него более чем, амбиций, энергии и желания посчитаться – даже больше, чем денег. А главное – теперь Мухтар по-настоящему свободен, и флаг ему в руки!

От покаяния – к культуре

ЕРГАЛИЕВА: Только что прошел Форум оппозиционных партий, на котором собрались “сливки” общества – лицо оппозиции. Давно не собирались вместе. Для меня это было глубокое разочарование. И не потому, что оппозиция так и не договорилась об объединении. Хотя даже школьнику понятно, что сегодня такому монстру, как “Нур Отан”, может противостоять только единая сильная оппозиционная партия, и такой потенциал у оппозиции есть, но при условии умножения всех сил. Однако этого не случилось по вполне понятным причинам. Вернее – по тем же самым, а еще точнее – по капризу “главного героя”. Но меня сильно огорчило другое. То, что большая часть оппозиции не только не повзрослела за эти долгие годы (в лице все тех же лидеров и активистов), но скатилась назад. Все те же пустые и главное – нереальные лозунги, все та же политическая риторика 1917 года, какое-то болезненное состояние “оскорбленных и униженных”. Эта часть оппозиции прозябает в глубокой стагнации и депрессии. Кто за ней пойдет? Она не способна в таком состоянии противопоставить власти новые, яркие, оптимистичные идеи, заразить народ надеждой и активностью. В этой массе выделялась лишь партия “Азат” и ее лидер Булат Абилов – современным и объективным взглядом на политическую действительность в стране. И своей искренностью – инициативой объединения. ОСДП Жармахан Туякбая понравилась

трезвостью оценки собственных сил и пониманием новой стратегии оппозиции, предложенной “Азатом”.

Я все это говорю потому, что сегодня тоже пишется история оппозиции – как государственного явления, что я еще раз подчеркиваю. И очень не хотелось бы, чтобы оппозиция ходила по тому же кругу ошибок и комплексов. Чтобы не занималась внутривидовой войной, интригами и не совершала подлости, как это было тогда – в эпоху ДВК. Пусть никогда не повторится та история, которая легла темным пятном на репутацию всей оппозиции.

А еще я хочу принести публичное покаяние за всех нас перед Галымжаном Жакияновым, которого не только предали соратники по ДВК, но и вся оппозиция не смогла отдать ему полноценное должное. Когда он сидел в тюрьме, на митингах все кричали – вот выйдет Галымжан и встанет в строй рядом с нами. В это искренне верил Алтынбек Сарсенбаев, он действительно очень ждал Галымжана из тюрьмы и имел на него большие виды. Но когда, казалось бы, вот сейчас Галымжан займет свое логичное и заслуженное место председателя общего оппозиционного движения “За справедливый Казахстан”, нашлись люди, которые не дали ему дорогу. Все та же болезнь личной конкуренции как во власти? Или опять вмешательство Астаны? И за это – прости!

СВОИК: Почему мы независимо от личных симпатий-антипатий должны желать успеха всем оппозиционерам, требующим демократизации режима, даже если они не слишком ладят друг с другом? Да потому, что это только в режиме самым самобытным, неординарным личностям тесно, стоит же только начать переход от нынешнего “ручного управления” государством к управлению им через многопартийный парламент, назначаемое парламентским большинством правительство, независимый суд, стоящую на страже закона прокуратуру, избираемое населением городское самоуправление – обнажится острейший кадровый дефицит.

И вот тогда станет ясно, что самый большой грех режима не только в том, что он распродал месторождения иностранцам, сделал власть и воровство неразделимыми, но и в том, что самый активный, живой политический потенциал нации – штучный, выдавлен за границу либо находится под нескончаемым судебным прессом у себя в стране.

Между тем поспешать с институализацией власти стоит, потому что режим явно уже вступил в завершающую стадию самоистребления. Мало того, что уже просто и по выслуге лет он перебрал нормативы физического и морального износа, так ведь на это наложился и мировой кризис, который отнюдь не является финансовым.

И последнее, что обязан сказать. Я достаточно долго и плотно погружен в местный контекст, чтобы не понимать, какие традиционные правила мы нарушили, за какую ментальную черту зашли, взяв да вот так просто рассказав и о своих конфиденциальных контактах, и подноготную истории ДВК. По тем же правилам никто из “серьезных людей” теперь не должен иметь с нами дело – опять “сольем”. А мне, знаете, и не надо доверия агашек, выстроенного исключительно на негласных договоренностях, личной преданности и персональной лояльности. Не хочу участвовать в политике, осуществляемой лишь как неформальные альянсы кого-то с кем-то против кого-то. Согласен, культуру, в которой это все укоренено, мы не отменим и не изменим. Но, согласитесь, Казахстан – синтетическая страна. Режим личной власти возник не случайно, его корни как раз в таком традиционном

менталитете, и в этом его сила, но в этом же и слабость – он однобоко перекошен и опирается лишь на край общества.

В конце концов, внедрение избирательной политической культуры, это не механическое подражание (обезьяничать-то мы горазды – чем “Нур Отан” не партия, а однопартийный мажилис – не парламент?), укоренение и иной, более формальной и публичной культуры. Культуры, которой предстоит как-то сосуществовать с привычными “разводками”, которой сначала нужно хотя бы появиться.

Так пусть наши с Гульжан откровения и станут маленьким нашим вкладом (и личной жертвой) в эту так необходимую всей стране политическую культуру!

Оригинальная электронная версия текста беседы опубликована в феврале – марте 2009 г. на сайте Интернет-газеты «Зона.кз» по адресу <http://zonakz.net/articles/25061>